

ISSN 2500-0608

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОСТУПНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Современная аналитика образования

№ 13 (43)
2020

Серия аналитических докладов НИУ ВШЭ
«Социально-экономическое
неравенство в России:
состояние, динамика, ключевые проблемы»

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ

**РЕГИОНАЛЬНАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
ДОСТУПНОСТИ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИИ**

*Серия
Современная аналитика
образования*

№ 13 (43)
2020

Серия аналитических докладов НИУ ВШЭ
«Социально-экономическое неравенство
в России: состояние, динамика,
ключевые проблемы»

УДК 378
ББК 74.48
М 19

Сопредседатели редакционного совета серии:

Я.И. Кузьминов, к.э.н., ректор НИУ ВШЭ;

И.Д. Фрумин, д.п.н., научный руководитель Института образования НИУ ВШЭ

Научный редактор серии аналитических докладов

«Социально-экономическое неравенство в России: состояние,
динамика, ключевые проблемы»

Л.Н. Овчарова, д.э.н., проректор НИУ ВШЭ

Исполняющий обязанности руководителя Комитета по выпуску серии:

С.И. Заир-Бек

Рецензенты:

П.В. Деркачев, к.э.н., ведущий научный сотрудник Центра
финансово-экономических решений в образовании Института образования НИУ ВШЭ;

У.С. Захарова, к. филол. н., научный сотрудник Центра социологии
высшего образования Института образования НИУ ВШЭ

Авторы:

С.С. Малиновский, Е.Ю. Шибанова

- Региональная дифференциация доступности высшего образования в России /**
М19 С. С. Малиновский, Е. Ю. Шибанова; Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2020. — 68 с. —
100 экз. — (Современная аналитика образования. № 13 (43)).

Аналитический доклад посвящен проблеме неравенства доступности высшего образования в России в ее межрегиональном измерении. Проанализированы территориально обусловленные факторы распределения количества и качества высшего образования, межрегиональные различия финансовой доступности и роль институциональной дифференциации вузовского ландшафта. Эти факторы рассмотрены через призму их связи с социальными факторами дифференциации образовательных возможностей.

Работа будет полезна исследователям и практикам из сферы образования, ключевым стейкхолдерам региональных систем образования и широкому кругу читателей, интересующихся российской спецификой образовательного неравенства.

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Институт образования, 2020

© Фото на обложке: valio84sl / Фотобанк Фотодженика

Оглавление

Предисловие научного редактора	4
Введение.....	6
1. Трансформация системы высшего образования в контексте доступности	13
2. Дифференциация обеспеченности местами в высших учебных заведениях в субъектах РФ	19
3. Региональная дифференциация доступности качественного высшего образования.....	28
4. Финансовые факторы неравенства доступа к высшему образованию в разрезе регионов	34
5. Институциональные факторы региональной дифференциации доступности высшего образования	42
Заключение.....	50
Литература.....	56

Предисловие научного редактора

В экспертно-аналитическом и научном сообществе сегодня сложился консенсус в отношении оценки социально-экономического неравенства: оно считается ключевым глобальным вызовом устойчивому развитию.

Обсуждение его оснований, последствий, динамики и возможностей эффективного администрирования — неотъемлемая часть современных дискуссий о дальнейшем векторе социально-экономического развития как мира в целом, так и отдельных стран. Для России, — территория которой отличается природно-климатическим разнообразием и огромной протяженностью, требующей инвестиций в связность, а сырьевая структура экономики порождает высокую экономическую дифференциацию в разрезе регионов и социально-демографических групп населения, — значимость и правильная идентификация факторов неравенства, сдерживающих и стимулирующих рост, приобретает особую актуальность.

Развитие, опирающееся на быстрые и реализуемые в условиях высокой неопределенности социальные, экономические и технологические изменения, сопровождается возрастающим вкладом человеческого капитала. Трансформации в условиях неопределенности и активизация новых драйверов позитивной динамики выводят в центр внимания не только дифференциацию доходов и богатства, но и различные типы немонетарных неравенств, пространство которых расширяется, а значимость возрастает. Исследователи все чаще обращаются к анализу влияния на равенство возможностей долгосрочных эффектов и инвестиций, при этом проблема неравенства становится предметом междисциплинарных исследовательских проектов и программ.

В НИУ ВШЭ изучение проблем неравенства и его влияния на формирование и реализацию человеческого потенциала определено как стратегический научный приоритет, прогресс в достижении которого должна обеспечить исследовательская программа, объединяющая ученых из разных предметных отраслей. Она стартует с серии аналитических докладов, посвященных комплексному анализу объективного состояния и динамики различных монетарных и немонетарных неравенств в России, а также субъективному восприятию их населением.

Предлагаемый доклад посвящен проблеме регионального неравенства в высшем образовании. Россия входит в число стран, лидирующих по уров-

ню охвата третичным образованием, однако этот охват не является равномерным — важную роль играет регион проживания. Неравенство может проявляться в дифференциации регионов по степени охвата молодежи высшим образованием, возможностям получения качественного высшего образования, финансовой доступности его получения. Анализ начинается с общего обзора ключевых трансформационных процессов в системе высшего образования; затем последовательно рассматриваются эти измерения образовательного неравенства; формулируется вывод о том, что по каждому из них наблюдается межрегиональная дифференциация, которая не снижается со временем.

Л.Н. Овчарова,
д.э.н., проректор НУ ВШЭ

Введение

Доступность высшего образования в целом и в разрезе разных ее факторов (в первую очередь, социальных, а также факторов культурного капитала) в последние десятилетия является общим местом дискуссии о неравенстве в высшем образовании — как в академической, так и в экспертной среде.

Дискуссия о межстрановых различиях доступности высшего образования в последние годы во многом связана с изучением феноменов массовизации, происходящей по всему миру. Вот уже полвека мир становится все более образованным. Если в довоенную эпоху подавляющее большинство развитых стран обеспечили всеобщий охват школьным образованием [Meuer и др., 1992], то с 1960-х гг. наблюдалось беспрецедентное расширение систем третичного образования¹ [Cantwell и др., 2018]. Валовый охват третичным образованием (GTER, gross tertiary enrollment ratio) в мире увеличился с 10% в 1970 году до 34,5% в 2014-м (по данным UNESCO). Темп расширения охвата третичным образованием был дифференцирован по разным регионам мира (выше в странах Северной Америки и Западной Европы, ниже в Африке и центральной Азии), но в настоящее время в общемировом выражении поддерживается примерно на уровне одного процентного пункта (далее — п.п.) в год (расчеты авторов по данным UNESCO). Таким образом, существенная доля стран в мире — согласно подходу, предложенному в 1973 году Мартином Троу [Trow, 1973], — перешли от стадии элитного высшего образования (до 15% охвата релевантной возрастной когорты) к массовому (50% охвата) и даже универсальному (более 50%).

Расширение охвата было поддержано государственной политикой многих стран в контексте практической реализации концепции человеческого капитала, которая получила свой теоретический фундамент на рубеже 1960-х годов [Becker, 1962; Mincer, 1962]. Тезис о том, что знания, умения и установки человека (а не только природные ресурсы, финансо-

¹ Согласно Международной стандартной классификации образования (МСКО, International Standard Classification of Education — ISCED), к третичному образованию относятся уровни образования 5–8: короткий цикл третичного образования, а также бакалавриат, магистратура, докторантура и их эквиваленты. В России к третичному циклу образования относится профессиональное образование: среднее специальное, бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации.

вый или физический капитал) выступают основной движущей силой социально-экономического развития, и лежит в основании общемировой практики наращивания инвестиций в образование. С середины XX века удельная доля затрат на образование в развитых странах увеличилась с 2 до 5% ВВП [Кузьминов и др., 2019]. Государственные инвестиции, расширение среднего класса во многих странах мира и возрастание запроса на устранение неравенства [Marginson, 2016], демократизация обществ и распространение наукоемкости социально-экономического развития [Schofer и Meyer, 2005] — все это стимулировало масштабную экспансию высшего образования по всему миру [Carnoy и др., 2013; Altbach, 2016]. Высшее образование в общественном дискурсе современного мира воспринимается как ключевой инструмент социальной мобильности. Повышение образовательного уровня положительно связано с повышением дохода, более высоким социальным положением, более высоким стандартом потребления. Статистические показатели по странам ОЭСР также показывают, что получение высшего образования соответствует большей вероятности быть трудоустроенным, зарплатная премия за высшее образование сохраняет стабильно высокий уровень [OECD Education at a glance, 2018]. Неслучайно в странах с высоким уровнем охвата высшее образование стало предметом национальной важности и более активного вмешательства государственных институтов [Morshidi & Abdul Razak, 2008]. От вузов ожидают большего вклада в экономический рост и инновационное развитие обществ [Harvey, 2000; Agasisti и др., 2018]. С одной стороны, уровень высшего образования стал частью государственных политик синхронизации спроса и предложения на рынках труда, с другой — предложение доступного высшего образования сделалось неотъемлемой частью пакета социальной политики государств [Allmendinger & Leibfried, 2003; Antikainen, 2006]. Правительства во всем мире все больше включают высшее образование в национальные стратегии развития, а равенство образовательных возможностей и инклюзивность стали одними из обязательных элементов в целеполагании национального уровня. Это выражается как в запуске национальных проектов, направленных на нивелирование традиционных проявлений неравенства, так и в государственном воздействии на факторы, ранее не находившиеся в фокусе управления: межрегиональные и межпоколенческие различия, этнические и миграционные факторы неравенства [Salmi, 2018].

В последние десятилетия Россия стала частью глобального процесса расширения сектора высшего и среднего профессионального образова-

ния и заняла лидирующие позиции в мире по охвату третичным образованием. Довольно распространенными являются рассуждения о высокой доступности высшего образования в России. Несмотря на то, что даже эти тезисы требуют, как минимум, уточнения [Бессуднов и Куракин, 2017], более показательным представляется анализ структуры и дифференциации охвата высшим образованием, значительно изменившихся за постперестроечное время. Структура экспансии включает в себе ряд ограничений для выравнивания шансов на благоприятные долгосрочные эффекты образовательных траекторий и обеспечения меритократической социальной мобильности посредством высшего образования.

Во-первых, распространение образования не было равномерным. Экспансия привела к расширению социальной базы высшего образования по всему миру, то есть к сравнительно высокому охвату самых различных слоев населения, включая тех, кто ранее традиционно гораздо реже становился студентами [Marginson, 2016]. Распределение образованности среди населения, измеряемое индексом Джини, стало более равномерным за последние сорок лет в большинстве стран мира (в среднем по миру индекс изменился с 53,5 в 1960 году до 29,1 в 2010 [Földvári и van Leeuwen, 2011]), однако ситуация сильно дифференцирована по регионам мира. Доступность более высоких уровней образования все еще повсеместно определяется социальными факторами [Jerrim и др., 2016; Cantwell и др., 2018]. Культурный капитал и образование родителей являются ключевыми факторами, определяющими большую склонность к выбору высшего образования для продолжения образовательной траектории [Argentin и Triventi, 2011]. Социальные факторы образовательного выбора в системе высшего образования играют заметную роль и для России. Массовизация 1990–2000-х годов дала возможность получить высшее образование большому числу выходцев из сельской местности и представителям рабочих семей наряду с традиционно лучше представленными группами семей руководителей и специалистов, жителей крупных городов [Konstantinovskiy, 2017]. При этом сохраняется существенная разница в выборе образовательных траекторий после окончания основной школы, связанная с различиями в социальном положении семьи и в культурном капитале [Хавенсон и Чиркина, 2019].

Во-вторых, не было равномерным распределение качества образования. Экспансия связана с дифференциацией институционального ландшафта, возникновением разных типов и сегментов учебных заведений,

которые могут усиливать воспроизводство социальной стратификации. Важной проблемой для многих стран становится обусловленная неакадемическими факторами разница возможностей поступления в наиболее селективные университеты и вузы массового сегмента [Cantwell и др., 2018; Teichler, 2008], на менее и более престижные направления подготовки [Reimer, Noelke и Kucel, 2008]. Положение семьи является принципиальным фактором, обуславливающим выбор образовательной траектории. Выходцы из семей так называемых «белых воротничков» поступают в элитные университеты, в то время как дети из семей рабочих — в вузы прикладных квалификаций или профессиональные колледжи [Duru-Bellat, Kieffer и Reimer, 2008]. Для большинства национальных контекстов доход семьи положительно связан с поступлением в более селективные университеты [Hearn, 1991; Davies и Guppy, 1997], на направления подготовки с наибольшей отдачей [Van de Werfhorst и Kraaykamp, 2001], выбором постбакалаврской образовательной траектории [Hansen, 1997]. В большом количестве исследований было показано, что социальный статус, культурный капитал семьи сам по себе, безотносительно доходов домохозяйств, во многом определяет вероятность поступить в наиболее селективную когорту высших учебных заведений. Наличие подобной корреляции было показано на примере национальных контекстов Франции [Deer, 2005; Givord и Goux, 2007], Великобритании [Boliver, 2013], Германии [Kivinen и Rinne, 1991], Швеции [Ambler и Neathery, 1999].

В России наиболее престижные специальности являются наиболее селективными и не в равной степени доступными для разных групп населения, так как семейный капитал формирует неравенство в возможностях выбора выпускником школы той или иной специальности [Prakhov и Sergienko, 2017]. Доход семьи, образование родителей могут быть связаны с разницей в ожиданиях родителей относительно обучения ребенка, в инвестициях в дополнительное образование. В результате дети из более обеспеченных семей показывают более высокие образовательные достижения по сравнению с детьми из семей менее состоятельных [Davis-Kean, 2005].

Как показывают исследования, учащиеся из обеспеченных российских семей в первую очередь обращают внимание на дальнейшие перспективы карьеры и чаще выбирают специальности по экономике и управлению. В то же время студенты, например, педагогических и гуманитарных специальностей, как правило, являются выходцами из менее образованных и состоятельных семей, а свой выбор связывают с менее рискованной возмож-

ностью получить диплом [Кузьмина, 2013]. Вероятность получить диплом селективного университета с большей зарплатной премией [Роцин, Рудаков, 2016] коррелирует не только с академическими успехами обучающегося. Студентами наиболее селективных российских университетов с большей вероятностью становятся молодые люди, чьи родители имеют высшее образование и более высокий социально-профессиональный статус [Роцина, 2006; Smolentseva, 2017]. Разным типам университетов и образовательным программам соответствуют разные пути дальнейшей социальной мобильности. Зарплатная премия от высшего образования в России остается сравнительно высокой по мировым меркам (по данным ОЭСР), при этом является сильно дифференцированной в зависимости от селективности университета [Роцин, Рудаков, 2016] или направлений подготовки [Prakhov, 2019]. Таким образом, социальная дифференциация выбора и успешности поступления на ту или иную программу в тот или иной университеты также транслируется и на доходы после выхода на рынок труда.

Эффекты расширения доступности высшего образования в России не делают ее уникальной в сравнении с другими странами, расширившими сектор третичного образования. Действительной особенностью России, обусловленной объективным положением самой большой по территории страны в мире, является измерение региональной дифференциации доступности высшего образования.

Несмотря на рост в целом в России охвата высшим образованием, сохраняется значительный разрыв между регионами с точки зрения его доступности. Различия среди регионов в предложении качества и количества образования накладываются на социальные и культурные факторы индивидуального уровня, расширяя пространство для воспроизводства неравенства. Факторы выбора образовательных траекторий после школы, доступность престижных образовательных программ и дифференциация вероятностей поступить в селективные университеты обуславливается региональным контекстом [Prakhov, 2016].

Географическая доступность вузов является самостоятельным фактором принятия решения о поступлении в вуз [Leppel, 1993; Ordovensky, 1995; Ali, 2003]. Территориальные факторы неравенства обусловлены предложением образовательных программ высшего образования непосредственно в месте проживания и окончания школы. Решение о мобильности с целью получения образования связано с материальным статусом семьи [Hübner, 2012; Kyung, 1996; Mak и Moncur, 2003]. Особенно остро этот фактор дей-

ствует для семей с низкими доходами [Frenette, 2006]. «Аргумент стоимости транзакции» [Spiess и Wrohlich, 2010] подразумевает, что чем больше расстояние до вуза, тем выше транзакционные издержки получения высшего образования, и тем ниже связанная с этим вероятность поступления. Подобные издержки включают прямые финансовые затраты (например, затраты на поездки до вуза), затраты на оплату жилья, косвенные финансовые затраты (например, упущенную выгоду, связанную с возможностью проживать дома), информационные расходы и др. Мобильность учащихся из более обеспеченных семей выше, и, как следствие, они имеют больше возможностей выбора вуза, который в наибольшей степени отвечает их интересам. Эти риски находят отражение в политике многих европейских стран при формировании пакета стипендиальной поддержки студентов: учитывается, является ли студент иногородним, проживает ли с родителями или нет.

Результаты исследователей показывают существенную разницу в шансах поступить в университет сельских и городских жителей, что также является свидетельством территориальных различий в доступности образования. Студенты, выросшие в городе, где рядом расположен университет, имеют очевидное преимущество сокращения издержек на проживание, логистику, адаптацию к новым условиям.

В регионах, в которых одновременно и неблагоприятна общая социально-экономическая ситуация, и сравнительно менее привлекательна система высшего образования, существуют риски сегрегации. Обеспеченные группы населения будут отправлять своих детей на обучение в другие регионы, тогда как большинство семей будут иметь де факто ограниченные возможности доступа к высшему образованию. Особенно с учетом того, что поступление в вузы значительно детерминировано социальным положением и культурным капиталом семей, а внедрение единого государственного экзамена упростило образовательную мобильность.

Таким образом, социальная стратификация в регионе, с одной стороны, и территориальная доступность предложения программ высшего образования — с другой, совокупно могут оказывать существенное влияние на выбор образовательной траектории.

Безусловно, вопрос доступности высшего образования связан, в том числе, с потенциалом использования полученных компетенций на рынках труда в конкретном регионе, социально-экономическим положением региона, возможностями образовательной и трудовой мобильности. При

этом право на бесплатное высшее образование закреплено в России конституционно, оно имеет самостоятельную социальную и культурную ценность для индивида, безотносительно прямой экономической отдачи. Поэтому предлагаемый материал в качестве отправной точки опирается на нормативную предпосылку, что более благоприятной является ситуация, при которой предложение количества и качества высшего образования равномерно распределено территориально.

Авторы детально не рассматривают многообразие социально-экономических (а также гендерных, этнических и др.) факторов в их соотношении с региональными контекстами. Вместе с этим, в центре внимания доклада находится региональная дифференциация предложения высшего образования, с фокусом на те ее проявления, которые потенциально могут усиливать значимость социально-экономического положения семей в получении доступа к образованию.

Соответственно, региональная дифференциация (в том числе ее динамика там, где доступны данные) будет рассмотрена в следующих измерениях:

1. Дифференциация обеспеченности местами в вузах. В какой степени различается между регионами доступность количества высшего образования?
2. Дифференциация доступности мест в высокоселективных вузах. В какой степени различна доступность качества высшего образования в разрезе регионов?
3. Дифференциация предложения платного высшего образования. В какой степени стоимость высшего образования в разных регионах может быть фактором дифференциации доступности?
4. Соотношение вузовской институциональной дифференциации и межрегиональных различий в предложении качества и количества высшего образования.

Данные измерения определяют структуру доклада. При этом для начала, в целях общего понимания контекста региональных факторов дифференциации доступности, приведем краткий обзор ключевых трансформационных процессов в системе высшего образования, релевантных для рассматриваемой проблематики.

1. Трансформация системы высшего образования в контексте доступности

Современная структура доступности высшего образования является результатом постсоветской трансформации, ускоренной массовизации и структурных преобразований последнего десятилетия. Переход экономики на рыночные принципы, реформы социальной сферы и возрастающая поляризация общества, отмена механизма распределения и трудоустройства выпускников, рыночные механизмы определения спроса на высшее образование выступают ключевыми контекстными факторами трансформации доступности высшего образования.

Активный рост охвата молодежи высшим образованием в первые два десятилетия постсоветской трансформации был обеспечен благодаря расширению предложения заочных программ и платного сегмента образования, особенно в социальных науках, направлениях подготовки в области экономики и юриспруденции (рис. 1.1, 1.2). Другой фактор экспансии — рост сети филиалов в регионах. При этом платежеспособность населения в отношении платных программ обучения постепенно сокращалась. В 2005 году средняя стоимость обучения составляла 32% от среднедушевого дохода, в то время как в 2018 году этот показатель вырос до 38% (расчеты авторов по данным Росстата и Мониторинга качества приема в вузы). Даже на фоне относительного удорожания высшего образования высокая заработная премия сохраняет высокий спрос населения на дипломы вузов.

При этом регулирование государственных обязательств по обеспечению бесплатного доступа к высшему образованию на конкурсной основе не менялось с момента принятия Конституции РФ (часть 3, статья 43). Сейчас это право в том числе закреплено в федеральном законе РФ «Об образовании» от 2012 г. и реализуется через нормативную рамку обеспечения доступности образования (высшего в частности): за счет федерального бюджета финансируется обучение по программам высшего образования из расчета не менее чем 800 студентов на каждые 10 тысяч человек в возрасте от семнадцати до тридцати лет, проживающих в России (ФЗ «Об образовании», статья 100). Во многом именно эта норма позволила закрепить охват релевантной возрастной когорты (17–25 лет) высшим образованием:

Рис. 1.1. Изменение числа студентов, обучающихся на местах с оплатой стоимости обучения (%), и средней стоимости обучения (тыс. руб. в год в действительных ценах), 1995–2019 гг.

Источник: ЕИС МОН РФ, Образование в РФ: 2006 и 2014 гг., Мониторинг качества приема в вузы, 2011–2019 гг.

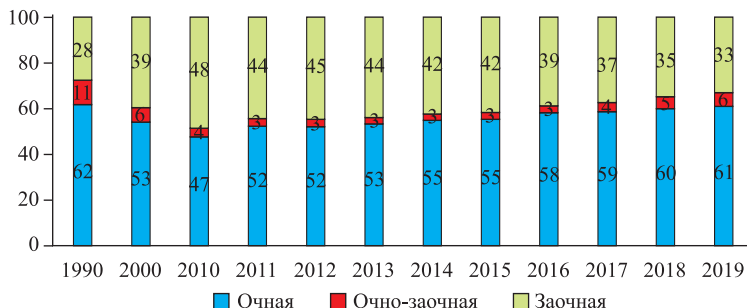

Рис. 1.2. Динамика приема в вузы по формам обучения (%), 1990–2019 гг.

Источник: ЕИС МОН РФ.

с 2005 года примерно треть когорты обучается в вузах (рис. 1.3). Однако нельзя говорить о том, что эта норма актуальна для каждого российского региона, так как во многом она ограничена возможностями образовательной миграции.

Рис. 1.3. Динамика охвата высшим и третичным образованием в России (%), 1926–2019 гг.²

Источник: World Development Indicators (2019), UNESCO World Population Prospects (2019), Росстат, [Huisman, Smoletseva, Froumin, 2018], Всесоюзная перепись населения 1926 г., 1939 г., Итоги десятилетия советской власти в цифрах (1917–1927 гг.), Культурное строительство СССР (Статистический сборник, 1940).

Расширение участия молодежи в высшем образовании также обеспечивается за счет увеличения доли программ магистратуры (рис. 1.4), в том числе — бюджетных мест на постбакалаврских программах. Тем не менее нельзя не отметить, что предложение магистерских программ концентрируется в крупных классических университетах в небольшом количестве регионов.

Поддержание конституционной нормы охвата бюджетными местами в вузах, расширение филиальной сети и формирование платного сегмента привело к тому, что Россия заняла прочное место среди стран с массовым охватом населения высшим образованием (рис. 1.5).

² Под «охватом третичным образованием» подразумевается показатель «*gross tertiary enrollment ratio*» — валовый охват третичным образованием, UNESCO Institute for Statistics.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
ДОСТУПНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

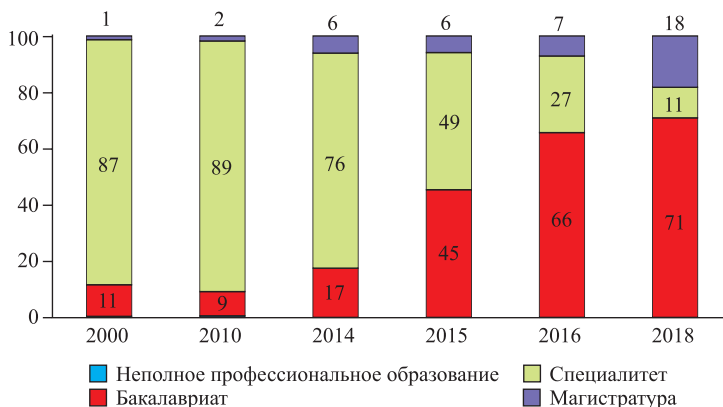

Рис. 1.4. Распределение выпуска студентов по уровням высшего образования (%), 2000–2018 г.

Источник: Росстат.

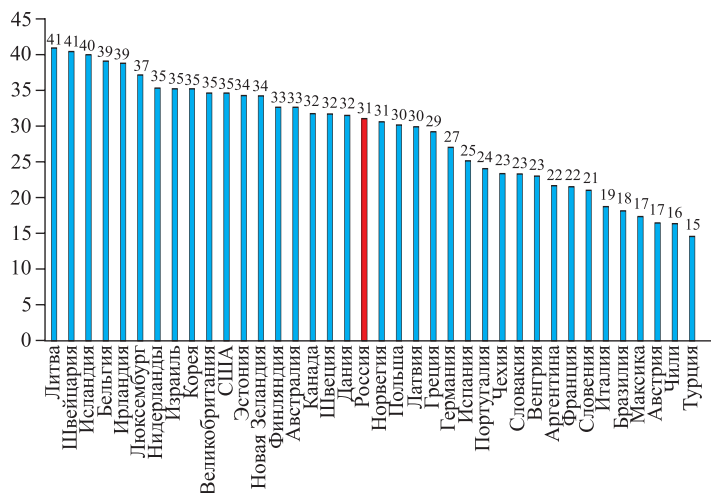

Рис. 1.5. Охват населения в возрасте 25–64 лет высшим образованием (бакалавриат, магистратура или эквиваленты, ISCED 6-7) (%), 2018 г.

Источник: OECD, 2019. Данные для России и Чили представлены за 2017 г.

Период трансформации с 2012 года прошел в целом под знаком более активного регулирования высшего образования, завершения оформления структурной перестройки вузовской сети, ориентации на вхождение в глобальное пространство университетской конкуренции. Программы конкурсной государственной поддержки университетов, наделенных особыми миссиями и задачами социально-экономического развития страны и территорий, — такие как программа поддержки опорных вузов, инициатива превосходства 5-100, программа национальных исследовательских университетов, формирование федеральных университетов — привели к возрастанию вертикальной стратификации вузовского ландшафта в России.

С другой стороны, политика, нацеленная на борьбу с сегментом низкого качественного высшего образования, обернулась значительным сокращением предложения — в первую очередь со стороны поставщиков услуг, признанных не соответствующих пороговым требованиям эффективности. Внедренный с 2012 года мониторинг эффективности вузов позволил сформировать единую систему оценки образовательных организаций по объективным показателям образовательной и научной деятельности, но в то же время явился ключевым легитимизирующим инструментом для сокращения и консолидации сети вузов. Произошло существенное сокращение количества вузов, когда примерно 1000 высших учебных заведений были реорганизованы, присоединены к другим университетам, потеряли аккредитацию образовательных программ, вынуждены были закрыться. Закрытие вузов происходило, в том числе, на фоне демографических тенденций и снижения количества выпускников школ.

Количество негосударственных вузов за этот период сократилось с 630 до 500, негосударственных — с 445 до 266 [Платонова, Фрумин, 2019]. В наибольшей степени сокращение коснулось филиальной сети. Филиалов государственных вузов стало вдвое меньше по количеству, сегмент негосударственных вузов лишился двух третей своих филиалов. В 2005 году, по данным Росстата, в России функционировали 1102 филиала государственных вузов и 519 филиалов частных вузов. В 2018 году эти цифры составили 480 и 171, соответственно [Росстат, сб. Регионы России].

Кроме этого, в большей степени были затронуты программы заочных форм обучения. Заочный сегмент в общественном дискурсе и по более объективным показателям в среднем характеризовался существенно более низким качеством образования. В период с 2011 по 2018 год удельная доля заочных студентов в системе высшего образования постоянно сни-

жалась. Сокращение суммарно составило более чем десять процентных пунктов: с 48 до 35% (по данным ЕИС МОН РФ). Этот тренд можно рассматривать как переломный. Экспансия высшего образования в постсоветский период в основном продвигалась предложением заочных программ, а Россия долгие годы сохраняла мировое лидерство по относительным масштабам заочного сегмента. Кампания по реструктуризации вузов и лишению аккредитации в наибольшей степени затронула частные вузы, филиалы и заочные программы, которые и обеспечили экспансию охвата высшим образованием после распада СССР. При этом прогноз численности населения возрастной группы 17–21 год показывает, что отрицательная динамика численности молодежи сменится продолжительным ростом, что актуализирует вопрос о достаточности потенциала вузовской сети [Габдрахманов и др., 2019].

Пандемия коронавируса и его экономические последствия усилили вызовы, которые стояли перед системой высшего образования. Опыт шоковых трансформаций показал неодинаковую готовность региональных систем высшего образования к переходу на дистанционные формы обучения. С одной стороны, форсированное распространение цифровизации формирует пространство возможностей для охвата высшим образованием, в меньшей степени привязанных к географическому пространству. С другой стороны, удорожание межрегиональной образовательной мобильности, усиление институциональной дифференциации качества обучения и сокращение экономической базы вузов обостряют вопросы территориальных факторов распределения количества и качества высшего образования.

2. Дифференциация обеспеченности местами в высших учебных заведениях в субъектах РФ

Исследования показывают, что внедрение ЕГЭ усилило межрегиональную образовательную мобильность [Francesconi, Slonimczyk и Yurko, 2019]. Однако уровень мобильности остается сравнительно невысоким. Так, согласно данным исследования «Траектории в образовании и профессии», примерно 70% поступивших в вузы учатся в регионе, в котором они окончили школу. Среди всех поступивших в учреждения высшего и среднего профессионального образования этот показатель составляет 75%. С другой стороны, положительные эффекты межрегиональной мобильности концентрируются в одних регионах в ущерб другим. Мы можем говорить о существенных региональных дисбалансах на региональных образовательных рынках. Сформировалась группа «регионов-магнитов», аккумулирующих таланты со всей страны. Появилась группа «регионов-экспортеров», из которых уезжает существенная доля выпускников школ. «Регионы-вокзалы» перетягивают выпускников школ из других регионов, многие из которых потом все равно уезжают для участия в рынках труда «регионов-магнитов» [Козлов, Платонова и Лешуков, 2017].

На решение о переезде и обучении в другом городе или регионе оказывают влияние контексты места нахождения университета: социально-экономический климат [Thorn и Holm-Nielsen, 2008; Mihi-Ramirez и Kumpikaite, 2014], институциональные характеристики систем высшего образования в регионах [Alecke и др., 2013; Kyung, 1996; Mak и Moncur, 2003]. Неудивительно, что наиболее экономически развитые регионы с крупными городами привлекают больше абитуриентов. Устойчивым остается «западный дрейф», когда образовательные и трудовые потоки двигаются в западном направлении страны, а основными «магнитами» выпускников школ и университетов остаются крупные города: Москва, Санкт-Петербург, Томск, Новосибирск [Габдрахманов и др., 2019].

Одним из основных показателей доступности высшего образования является отношение числа студентов к числу населения релевантной возрастной когорты, то есть 17–25 лет³. Этот показатель позволяет дифферен-

³ Государственный норматив доступности высшего образования рассчитывается из числа когорты 17–30 лет. При этом, согласно данным сборника «Индикаторы образования» НИУ

цировать региональные системы высшего образования в зависимости от способности обеспечить местами в вузах потенциально наиболее заинтересованную в получении высшего образования группу населения в соответствующем регионе. В 2019 году показатель охвата программами бакалавриата, специалитета и магистратуры в среднем по субъектам РФ составлял 27% и варьировался от 1% (ЯНАО) до 58% (Томская область) (рис. 2.1).

Например, в Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах получение высшего образования крайне затруднено, охват молодежи высшим образованием не превышает 5%. В Ненецком автономном округе нет высших учебных заведений: два существовавших в 2005 году филиала были ликвидированы к 2017-му.

В трети доступных для анализа регионов охват релевантной возрастной когорты (17–25 лет) программами высшего образования не превышает 20%. В семи из двадцати двух национальных республик охват высшим образованием также составляет меньше 20% — значительно меньше, чем в среднем по стране.

В пятой части субъектов охват превышает среднерегиональный уровень, примерно треть (30–33%) молодежи участвует в высшем образовании. К таким регионам относятся Иркутская, Ивановская, Челябинская, Тамбовская области, Республика Адыгея и Чувашская Республика.

На этом фоне выделяются крупные университетские центры, Санкт-Петербург, Томская область, а также Москва — лидеры по показателю охвата: в этих регионах больше половины релевантной возрастной когорты имеют доступ к местам в высших учебных заведениях.

Также рассмотрим доступность высшего образования в регионах РФ в зависимости от уровня получаемого образования. Территориальная удаленность некоторых регионов в совокупности с невозможностью поступить в магистратуру или аспирантуру значительно снижает вероятность повышения образовательного уровня.

Доля студентов-магистрантов в регионах в период 2014–2018 гг. росла разными темпами. Так, активный рост (более 10 п.п.) наблюдался в Республике Марий-Эл, Еврейской автономной и в Пензенской области. Наименьший темп показали Ленинградская, Магаданская, Сахалинская области, а также Республика Крым и Республика Саха (Якутия) — прирост здесь составил от 0,4 до 1,2 п.п. (рис. 2.2).

ВШЭ, студенты в возрасте 18–25 лет составляли 77% общего числа студентов, поэтому для нашего анализа эта когорта является более релевантной.

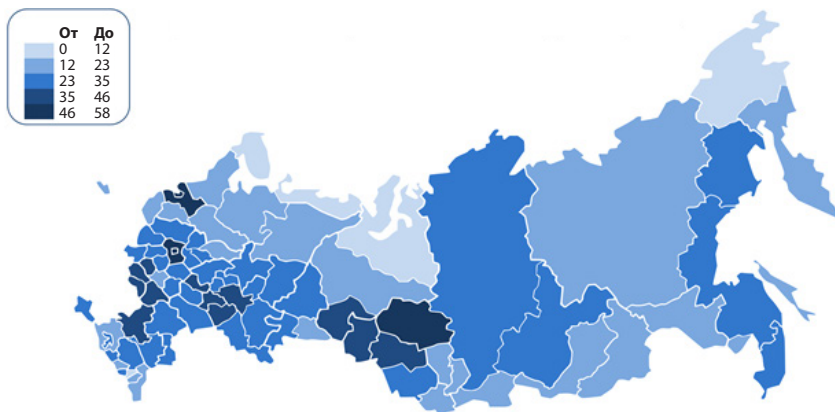

Рис. 2.1. Охват когорты 17–25 лет высшим образованием (%), 2019 г.⁴

Источник: Росстат, расчеты авторов.

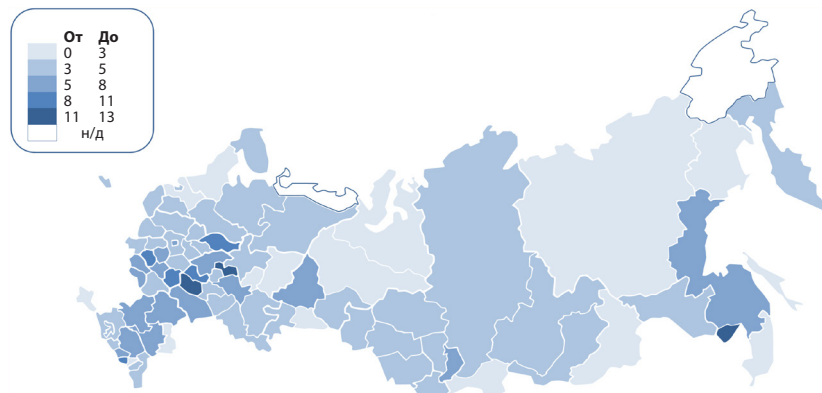

Рис. 2.2. Рост доли студентов-магистрантов (п.п.), 2014–2018 гг.

Источник: Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, 2014–2018 гг.

⁴ Здесь и далее на картах диапазоны по каждой группе следует интерпретировать следующим образом [число, число].

На текущий момент, согласно данным Мониторинга эффективности деятельности вузов, в 45 регионах доля студентов программ магистратуры колеблется в диапазоне от 0,5 до 15% (рис. 2.3). В двух регионах, Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах, возможности получить степень магистра нет. Кроме того, регионы с высоким показателем доли программ подготовки магистров в основном расположены в европейской части Российской Федерации (за исключением Еврейской автономной области).

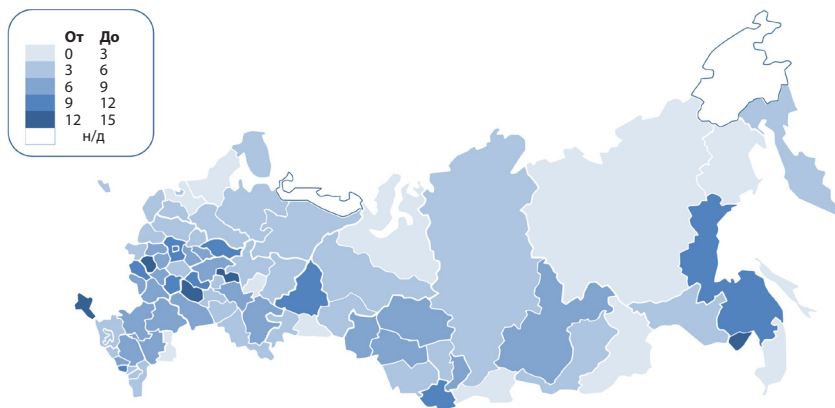

Рис. 2.3. Средняя доля программ магистратуры в университетах региона (%), 2018 г.

Источник: Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, 2019 г.

Важно отметить, что за последнее десятилетие произошли важные изменения в структуре предложения по разным уровням образования. С 2010 года сокращаются расходы на высшее образование в процентном соотношении к размеру валового внутреннего продукта (с 0,82% ВВП в 2010 году до 0,56 % ВВП в 2017-м). На фоне сокращения расходов бюджетное финансирование перераспределялось в пользу магистерских программ, соответственно при сокращении финансирования бакалавриата и купирования сегмента заочных программ и региональных филиалов. Получается, что государственные расходы в большей степени усиливали крупные регионы и университетские центры, где концентрируется магистрату-

ра, что поставило «регионы-экспортеры» и небольшие города в еще более невыгодное положение.

Таким образом, территориальная удаленность некоторых регионов от университетских центров, наряду с отсутствием программ магистратуры, создает дополнительные диспропорции в доступности постбакалаврского обучения.

За последние восемь лет (период, для которого наличествуют данные) в среднем доступность высшего образования в регионах РФ снизилась на 3 п.п. Доступность высшего образования для населения в возрасте 17–25 лет снизилась в 64 субъектах России, включая 15 национальных республик. При этом в наибольшей степени пострадали удаленные от центра регионы: Мурманская область, Камчатский край, Еврейская автономная область, Ямало-Ненецкий автономный округ (рис. 2.4.). Повышение доступности наблюдается в крупных университетских центрах, например, в Томской области, в Республике Татарстан.

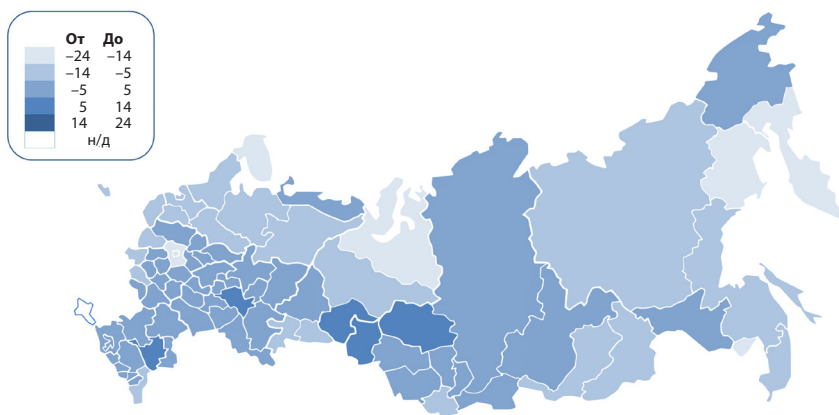

Рис. 2.4. Динамика обеспеченности релевантной возрастной когорты местами в высших учебных заведениях отдельно по субъектам РФ (п.п.), 2010–2019 гг.

Источник: Росстат, расчеты авторов.

Разные темпы сокращения предложения высшего образования в регионах во многом были обусловлены динамикой сегмента заочных программ. Одним из последствий политики, нацеленной на повышение каче-

ства предоставляемых услуг, стало сокращение доли студентов заочных образовательных программ с 44% в 2013 году до 35 — в 2018-м (по данным ЕИС МОН РФ). Трансформация образовательных программ затронула все регионы, хотя изменения и не были однородными. Так, в наибольшей степени сокращение доли заочных программ затронуло Чукотский автономный округ, Смоленскую, Мурманскую, Архангельскую области, Республику Карелию — здесь доля заочных программ сократилась в диапазоне 18,5–28,6 п.п. Практически неизменной она осталась в Забайкальском крае, Республике Ингушетии, Белгородской области. И только в четырех регионах показатель вырос: Республике Алтай, Чеченской Республике, Сахалинской области, Ямало-Ненецком автономном округе: рост составил от 1 до 6,4 п.п. (рис. 2.5).

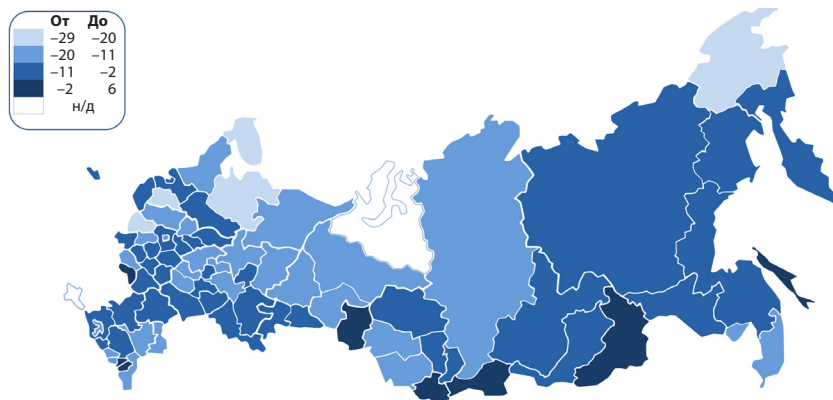

Рис. 2.5. Изменение доли студентов заочных программ в регионах РФ (п.п.), 2013–2018 гг.

Источник: ЕИС МОН РФ.

Исходя из этого, можно выдвинуть гипотезу о том, что в регионах, где заочные программы значительно сокращены, доступность высшего образования могла снизиться как для молодежи из менее обеспеченных семей, вынужденных совмещать работу с учебой, так и для более старшей возрастной группы студентов в возрасте от 30 лет, предъявляющих спрос именно на эту форму обучения [Платонова, Фрумин, 2019].

Анализ приведенных выше изменений в институциональной дифференциации системы высшего образования позволяет предположить, что изменение общего институционального ландшафта системы высшего образования могло оказать влияние на привлекательность региональных образовательных систем: студенческие потоки могли перераспределиться между регионами. Для этого следует изучить «магнитность» регионов — региональную долю студентов относительно общего числа студентов в стране. В целом можно констатировать, что концентрация студенческого контингента постепенно увеличивается, укрепляя лидирующее положение ограниченного числа регионов. Диапазон изменения показателя «магнитности» в период 2010–2018 гг. не был большим — не более 2 п.п.: Москва все так же привлекает примерно 17% от общего числа студентов, Санкт-Петербург увеличил свою долю с 6 до 7%. Доли остальных регионов составляют от 1 до 3% (Росстат, расчеты авторов).

Если сопоставить «вес» регионов в общей системе ВО и вес региональной когорты возраста 17–25 лет в национальной когорте этого возраста, можно увидеть, в какой степени студенческий контингент в регионе пропорционален числу молодых людей, потенциально претендующих на места в вузах (см. рис. 2.6). Неудивительно, что чем больше релевантная когорта в регионе, тем больше количество мест в вузах, при этом хорошо заметно, что некоторые регионы аккумулируют как непропорционально большее количество студентов (Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Томская, Омская, Воронежская, Новосибирская области и др.), так и непропорционально меньшее их количество (Тюменская и Кемеровская области, республики Дагестан, Башкортостан, Чеченская Республика и др.).

Концентрация студенческого контингента в наиболее развитых регионах может не выглядеть проблематичной сама по себе, но тем не менее является важной характеристикой для понимания межрегиональной мобильности, негативных демографических тенденций и ограничений для социально-экономического развития с точки зрения уровня человеческого капитала.

Региональные различия в структурных изменениях системы высшего образования, таких как переход на Болонскую систему и политика повышения качества высшего образования, нашедшая свое отражение в том числе в сокращении заочных образовательных программ, потенциально могли оказать разные эффекты на региональную доступность высшего образования. В среднем небольшое сокращение охвата возрастной когорты

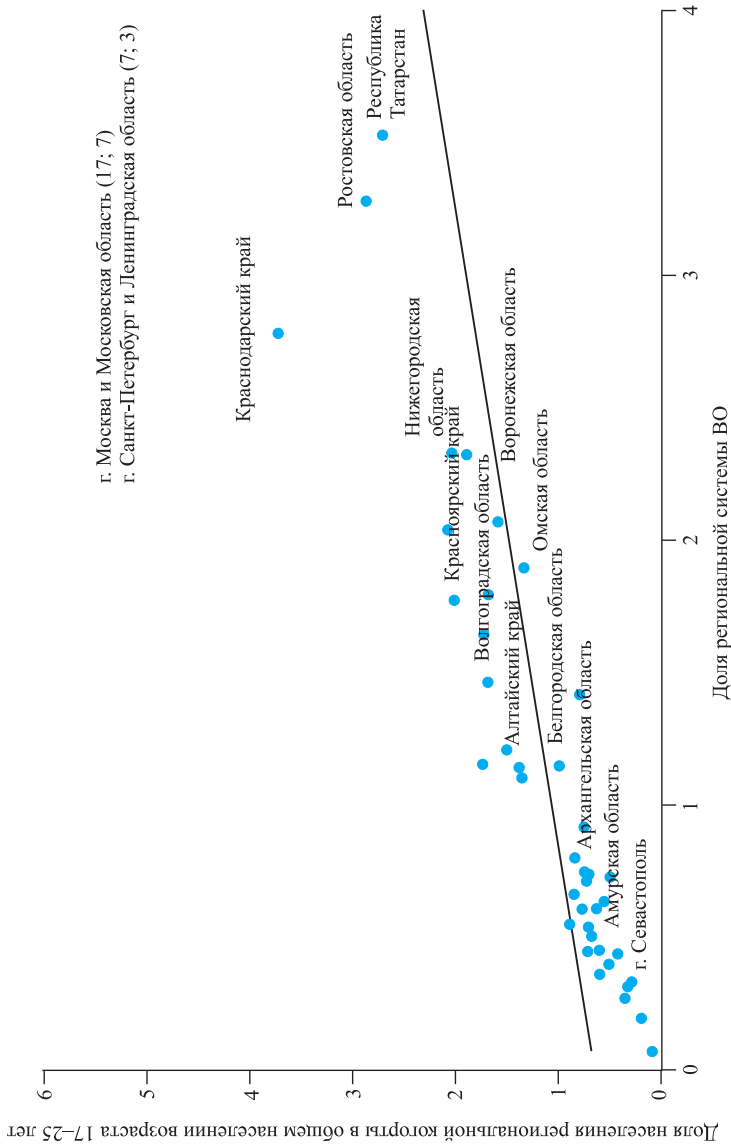

Рис. 2.6. Сопоставление концентрации населения в возрасте 17–25 лет и студентов в регионах (%), 2019 г.

Источник: Росстат, расчеты авторов.

населения, предъявляющей наибольший спрос на высшее образования, было неравномерным в различных субъектах. Именно в отдаленных регионах в наибольшей степени сократилось предложение заочных программ, и именно в этих региональных системах образования в наибольшей степени сократился охват населения высшим образованием. Это может свидетельствовать о том, что в этих регионах молодежь получает сравнительно меньше возможностей совмещать учебу и работу или продолжать образовательную траекторию в родном городе.

3. Региональная дифференциация доступности качественного высшего образования

Однако не только формальная возможность получить диплом о высшем образовании важна при анализе доступности высшего образования для населения. Возможность получения качественного и конкурентоспособного высшего образования также способна оказать влияние на решение о поступлении в вузы региона. Отсутствие селективных вузов или программ в регионе затрудняет получение хорошего высшего образования для менее обеспеченных слоев населения, поскольку переезд в другой город или субъект России сопряжен с дополнительными финансовыми вложениями.

В качестве первого показателя, характеризующего уровень доступности качественного образования в регионе, мы используем долю студентов в вузах региона, зачисленных на первый курс программ бакалавриата со средним баллом ЕГЭ от 70, в общем числе студентов, зачисленных на первый курс, то есть смотрим на «долю отличников» в общем приеме на программы бакалавриата.

Средний балл ЕГЭ имеет ограничения, так как редуцирует сложный конструкт качества высшего образования, не учитывает разницу в подготовке абитуриентов по разным предметам, долю олимпиадников. Тем не менее на сегодня это основной индикатор селективности вуза, который используется в государственной образовательной политике и косвенно свидетельствует о восприятии качества подготовки в вузах со стороны потребителей. Кроме этого, средний балл приема коррелирует положительно с другими характеристиками качества работы вузов, измеряемыми Мониторингом эффективности деятельности организаций высшего образования.

Предполагается, что высокий вступительный балл свидетельствует о повышенной конкуренции среди абитуриентов вуза [Прахов, 2015], а следовательно, выступает сигналом на рынке высшего образования. Формирование ядра наиболее подготовленных студентов является важным элементом развития региональных систем высшего образования, определяющим репутацию и привлекательность для образовательной мобильности.

Доля отличников, принятых как на бюджетные, так и на коммерческие отделения, варьируется от 6% в Республике Алтай до 56% в Москве и Московской области (если не считать Чукотский АО, в котором показатель равен 0%) — при том, что в среднем по стране доля отличников составляет примерно четверть контингента. Опять же можно говорить, что ключевые университетские центры концентрируют не только количество студенческого контингента, но и его качество. Отдельно стоит сказать, что в зоне риска находятся 15 национальных республик, а также отдаленные регионы, например, Магаданская область и Камчатский край (рис. 3.1).

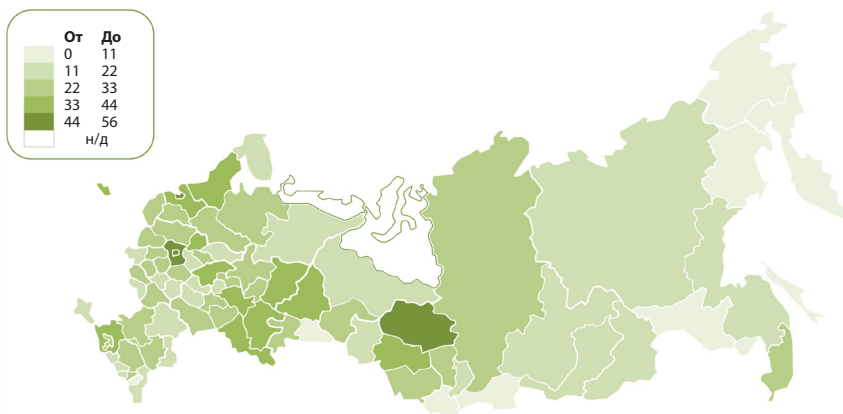

Рис. 3.1. Доля студентов, сдавших ЕГЭ на 70 баллов и выше, поступивших на программы бакалавриата, в общем числе принятых на первый курс в регионе в 2018 г. (%)

Источник: Мониторинг качества приема в вузы, 2018 г.

Второй показатель — обеспеченность студентов региона местами в качественных высших учебных заведениях [Громов и др., 2017 г.], который рассчитывается как отношение студентов региона, обучающихся в вузах со средним баллом приема ЕГЭ > 70, к общему числу студентов в регионе. Этот показатель характеризует возможность учиться в селективном университете в регионе проживания, другими словами, показывает отношение числа мест в «сильных» университетах к числу мест в регионе в целом. Доступность качественного образования тесно связана с уровнем заработ-

ной платы выпускников: студенты селективных вузов могут претендовать на более высокую оплату труда [Рощин, Рудаков, 2016], чем выпускники вузов с более низким показателем качества. Для наиболее подготовленных абитуриентов, осуществляющих образовательный выбор, этот показатель характеризует возможность обучаться в среде студентов с сопоставимым уровнем академического потенциала.

Обеспеченность студентов региона качественным высшим образованием варьируется от 0 до 85%. В среднем по России этот показатель составляет 27% — столько абитуриентов поступают в вузы, где в среднем на программы подготовки бакалавров принимаются студенты с баллом ЕГЭ от 70 и выше. Как и в случае с предыдущим показателем, лидерами являются Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Томская область, в то время как в половине регионов нет высокоселективных университетов (рис. 3.2). В группу регионов, где невозможно получить образование в селективных университетах и программах, снова входят многие национальные республики (19 из 22), удаленные территории, такие как Магаданская область и Камчатский край, а также ряд регионов центральной и западной частей России, например, Псковская, Тамбовская и Тульская области.

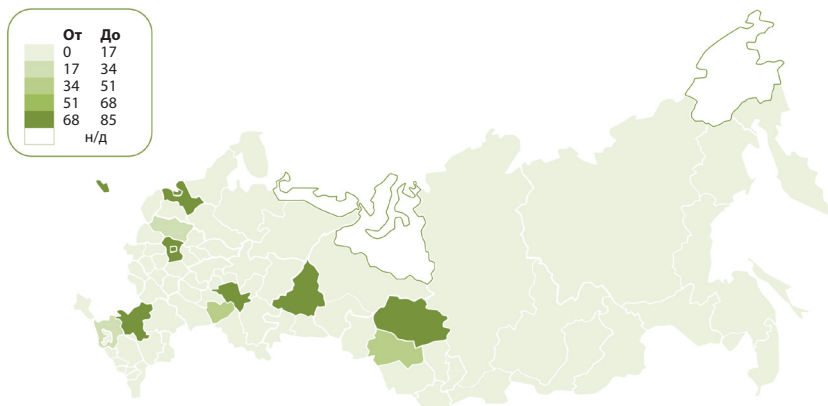

Рис. 3.2. Обеспеченность студентов местами в высокоселективных вузах региона (%), 2018 г.

Источник: Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, 2019 г.

Также стоит отметить, что предложение качественного образования сосредоточено в бюджетном сегменте. Большая часть первокурсников-отличников учатся на бюджетных местах, и только 3% абитуриентов со средними баллами выше 70 поступают на платные места.

Показательным является тот факт, что больше 80% всех первокурсников — победителей олимпиад выбирают для поступления Москву, Московскую область и Санкт-Петербург. Их выбор также может служить сигналом об ограниченности предложения качественного высшего образования (рис. 3.3).

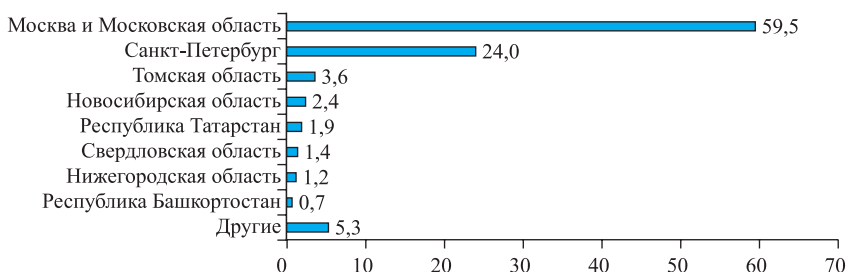

Рис. 3.3. Региональное распределение студентов, принятых на обучение по программам бакалавриата по результатам олимпиад (%), 2018 г.

Источник: Мониторинг качества приема в вузы, 2018 г.

При этом в нескольких регионах, в особенности в Амурской области, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Алтай и в Камчатском крае, существует заметная ограниченность возможности получения качественного высшего образования как на бюджетной, так и на коммерческой основе: средний по региону балл приема на бюджетные отделения не превышает 60, на платные отделения — 55 баллов. В данном разрезе абсолютными лидерами являются Москва и Московская область, в то время как в 86% регионов средний балл как бюджетного, так и платного приема ниже, чем в среднем по стране (рис. 3.4).

В некоторых регионах треть студентов имеют средний балл ЕГЭ более 70 баллов, однако при этом там нет высокоселективных университетов (например, в Республике Карелия, Орловской, Новгородской и Тульской областях). Это означает, что талантливые студенты по ряду причин не смогли

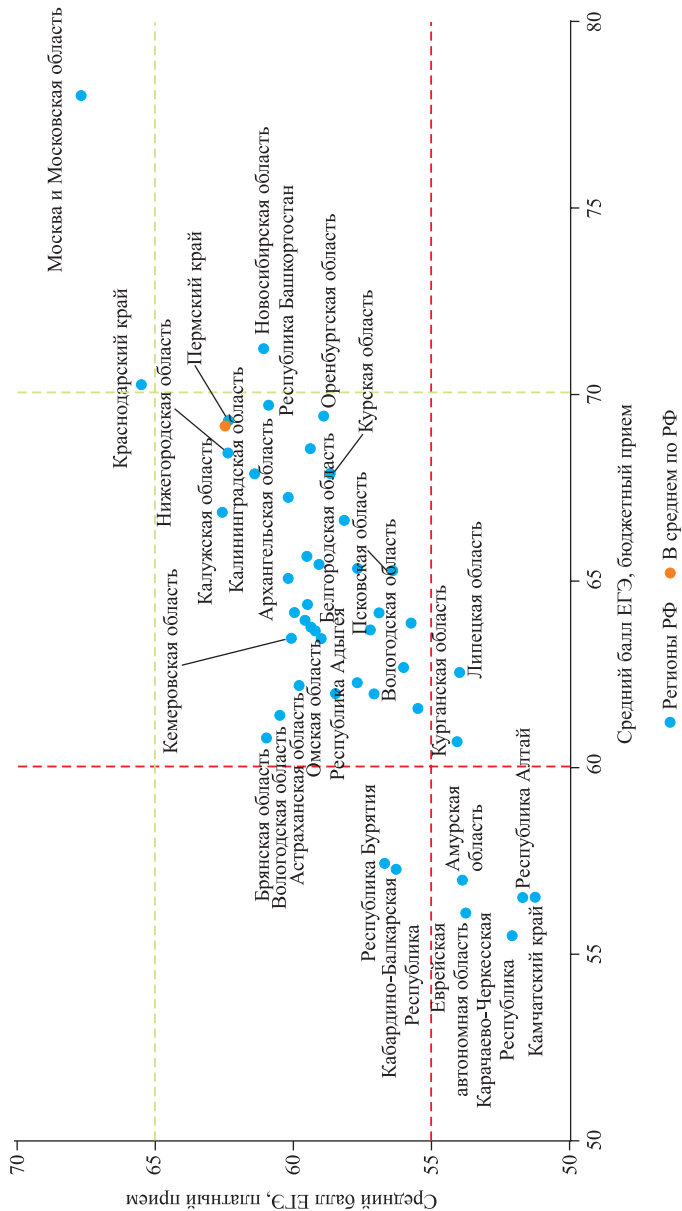

Рис. 3.4. Распределение регионов по качеству бюджетного и платного приема, 2018 г.

Источник: Мониторинг качества приема в вузы, 2018 г.

переехать и поступить в более селективный вуз, даже если потенциально имели все шансы выдержать конкурс. Это означает упущенные возможности повышения отдачи от высшего образования, равно как и возможности обучаться в сильной академической среде. В исследовательской литературе подобное явление объясняется так называемыми «вторичными эффектами неравенства», которые состоят в воздействии социально-экономического статуса семьи на образовательный выбор: даже при высокой успеваемости учащиеся из менее обеспеченных семей либо избегают продолжения образования, либо выбирают менее селективные траектории. Это объясняется тем, что, кроме успеваемости, на выбор влияют ценности, ожидания и доступные семье ресурсы [Jackson, 2013].

Так как сосредоточение наиболее подготовленного контингента абитуриентов является дополнительным притягивающим фактором для новых волн приема, соответствует государственной образовательной политике концентрации ресурсов, бюджетных мест магистратуры и т. д., в дальнейшем можно ожидать усиления концентрации и межрегиональных различий. Диспропорции во многом определяются либо в принципе низким уровнем насыщенности предложения высшего образования, либо дефицитом качественных образовательных программ в конкретном регионе.

С учетом того, что образовательная мобильность в большинстве случаев означает трудовую миграцию, неравномерное распределение наиболее сильных студентов в дальнейшем конвертируется в диспропорции рынков труда и развития экономики, что в свою очередь снижает возможность привлекать или сохранять в регионе сильных абитуриентов. Неравномерное распределение человеческого капитала, необходимого для социально-экономического развития, приводит к *эффекту Матфея*⁵, «регионы-магниты» становятся все более сильными, а «регионы-доноры» — все более ограниченными в возможностях.

⁵ По цитате из «Притчи о талантах» в Евангелии от Матфея: «...ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет».

4. Финансовые факторы неравенства доступа к высшему образованию в разрезе регионов

Получение высшего образования, в особенности качественного, требует значительных дополнительных инвестиций как на этапе подготовки к поступлению [Прахов, Юдкевич, 2012], так и во время обучения. Затраты семей, чьи дети учатся в вузах, состоят из расходов на дорогу, покупку продуктов питания, одежды. Кроме того, на региональном уровне разнятся также финансово-ресурсные факторы: обеспеченность общежитиями и уровень стипендиальной поддержки, объем предложения коммерческого сектора высшего образования и платежеспособность населения. Коммерческий сектор высшего образования критичен для анализа доступности: только половина студентов обучается бесплатно. Платный сектор высшего образования может выступать образовательной возможностью, в том числе для регионов с дефицитом предложения программ, обеспеченных бюджетными местами.

В 2018 году доля платного высшего образования составила 54,1% (в государственных вузах примерно 50%). При этом доля студентов бакалавриата, обучающихся на коммерческой основе, равнялась 42,9%, студентов магистратуры — 56,9% [ЕИС МОН РФ]. В среднем доля студентов-платников, местах с 2012 года снизилась на 7,5 п.п.

При этом в динамике снижение степени коммерциализации высшего образования в разрезе регионов было неоднородным. В Еврейской автономной области падение доли коммерческих студентов составило примерно 35 п.п., также значительно оно в отдаленных регионах, например, в Мурманской и Архангельской областях, в национальных республиках (за исключением Чеченской Республики) (рис. 4.1). При этом снижение доступности платного образования здесь сопровождалось значительным сокращением филиальной сети и концентрацией платных программ в крупных городах.

В 2018 году самая большая доля коммерческих студентов — выше 65% — была в Ямало-Ненецком автономном округе, Ленинградской, Владимирской, Курской областях и Краснодарском крае. В 35 регионах значение показателя ниже среднего. А самая большая доля бюджетного сектора высшего образования — в Республике Алтай (рис. 4.2), что может отражать сравнительно более низкий платежеспособный спрос населения на высшее образование: в этих регионах семьи не готовы платить за обучение в вузе.

Рис. 4.1. Динамика доли студентов, обучающихся на местах с оплатой стоимости обучения (п.п.), 2013–2018 гг.

Источник: ЕИС МОН РФ, форма ВПО-1, 2012–2018.

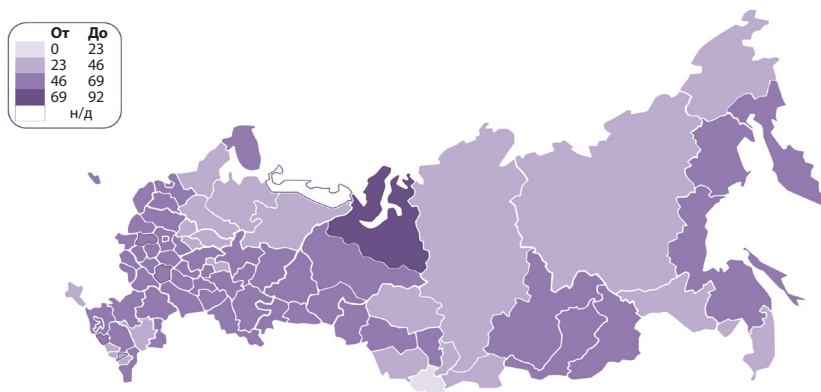

Рис. 4.2. Доля студентов, обучающихся на местах с оплатой стоимости обучения (%), 2018 г.

Источник: ЕИС МОН РФ, форма ВПО-1, 2018 г.

Изменение доли платного приема в регионах коррелирует с изменением стоимости обучения (коэффициент корреляции 30%). Например, в Республике Саха (Якутия) значительное сокращение (16,4 п.п.) коммерческих программ сопровождалось более чем 500%-м ростом стоимости программ высшего образования. На 250% выросла стоимость обучения в двух дальневосточных регионах — Сахалинской области и Еврейской автономной области. Меньше всего стоимость выросла в Белгородской и Смоленской областях и некоторых других регионах центральной части России, а также в Кабардино-Балкарской Республике и в Магаданской области (рис. 4.3).

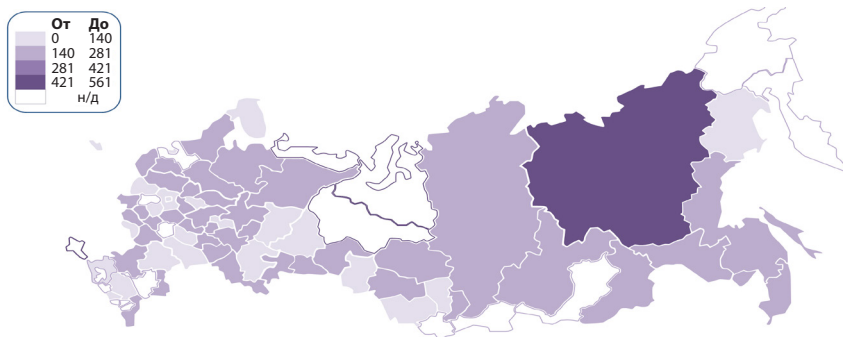

Рис. 4.3. Изменение стоимости обучения в регионе в приведенных ценах 2018 г. (%), 2011–2018 гг.

Источник: Мониторинг качества приема в вузы в 2011–2018 гг. (данные использованы с учетом вузов, участвовавших во всех волнах исследования).

Однако информативность абсолютного показателя стоимости высшего образования не очень высока. Для более детального анализа доступности платного образования мы используем показатель относительной стоимости платного высшего образования в регионе. Показатель рассчитывается как отношение средневзвешенной на число студентов стоимости обучения в вузах региона к среднему доходу, в расчете на члена домохозяйства, проживающего в данном регионе. В 2018 году этот показатель составлял от 14% в Магаданской области до 79% в Республике Тыве; среднее значение по стране равнялось 38,3% (рис. 4.4).

Рис. 4.4. Относительная стоимость высшего образования в регионе (%), 2018 г.

Источник: Росстат и Мониторинг качества приема в вузы, 2018 г.

Сопоставляя долю коммерческих студентов в регионе с относительной стоимостью обучения, можно сделать следующий вывод: наибольшая финансовая нагрузка на население при получении высшего образования наблюдается примерно в пятой части регионов, в которых одновременно ограничена, в сравнении с другими регионами, возможность получения бюджетного образования и относительная стоимость выше среднего по России (рис. 4.5). При этом в 18 регионах с наименьшей финансовой доступностью высшего образования рост относительной стоимости его получения составил примерно 20 п.п. (рис. 4.6).

В качестве следующего разреза анализа финансовой доступности высшего образования в регионах мы рассматриваем дифференциацию стипендиальной поддержки студентов. Среднедушевые расходы вузов на выплату стипендий слабо различаются по регионам: в среднем студент может рассчитывать на поддержку в 4 тыс. рублей в месяц (с учетом всех стипендий). При этом несмотря на самую высокую среднюю стипендию в Еврейской автономной области (больше 20 тыс. рублей), получают ее только 12% бюджетных студентов.

В среднем стипендиальные выплаты в расчете на студента составляют не более 40% от регионального прожиточного минимума, и в очень малом числе регионов государственная стипендиальная поддержка позволяет

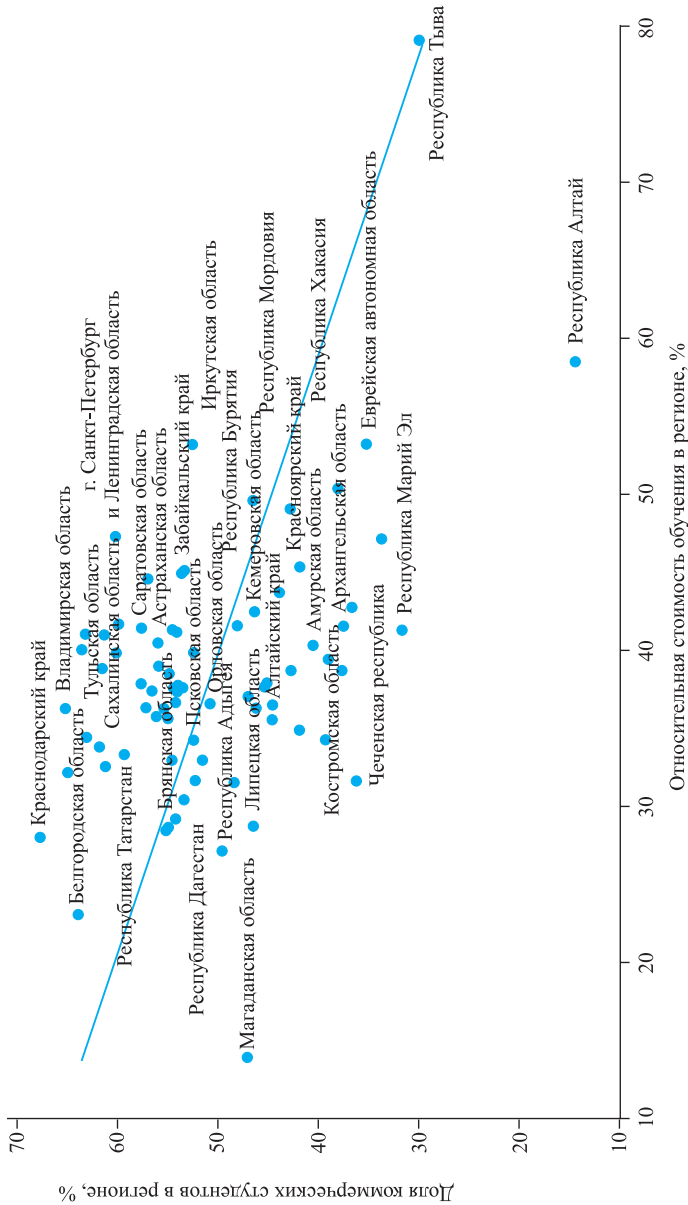

Рис. 4.5. Сопоставление доли коммерческих студентов и относительной стоимости обучения в регионах РФ (%), 2018 г.

Источник: Росстат, ЕИС МОН РФ, Мониторинг качества приема в вузы, 2018 г.

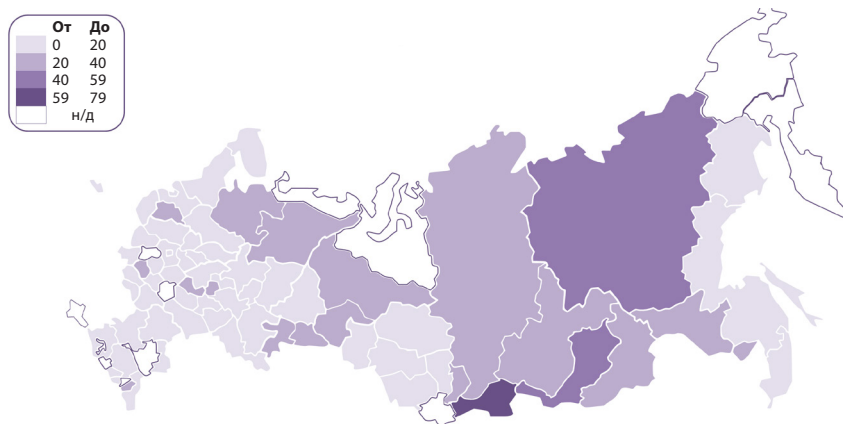

Рис. 4.6. Изменение относительной стоимости высшего образования в регионах РФ (п.п.), 2011–2018 гг.

Источник: Росстат, ЕИС МОН РФ, Мониторинг качества приема в вузы, 2011–2018 г.

сравнительно в меньшей степени обращаться к сторонним источникам дохода: примерно половину прожиточного минимума за счет стипендии можно покрыть в Мурманской области, республиках Мордовии и Башкортостане, Карелии.

Для комплексной оценки финансовых факторов доступности мы используем интегральный показатель, учитывающий уровень финансово-ресурсной доступности высшего образования для студентов в регионах России. В расчете индекса мы учитываем прямые расходы на получение высшего образования в зависимости от вероятности поступить на бюджетное отделение, получить стипендию, общежитие. Также учитываются минимальные расходы, необходимые на питание и прочие нужды. Показатель рассчитывается по формуле (1) и нормируется на величину среднедушевого регионального дохода домохозяйств:

$$FI_i = \frac{b_i [(d_i \times r_i) + (s_i \times (\min_i - stip_i) + (1 - s_i) \times \min_i)] + (1 - b_i) [\text{cost}_i + (d_i \times r_i) + \min_i]}{\text{income}_i}, \quad (1)$$

где FI_i — индекс финансово-ресурсного обеспечения в i -м регионе; b_i — доля бюджетного приема в регионе; d_i — доля не обеспеченных жильем

в общежитии среди нуждающихся в нем; r_i — стоимость аренды однокомнатной квартиры; s_i — доля студентов бюджетных отделений, получающих стипендии; \min_i — региональный прожиточный минимум; stip_i — средняя величина стипендиальных выплат в расчете на человека; cost_i — средняя стоимость обучения на платном отделении в вузах региона; income_i — среднедушевой региональный доход домохозяйств.

Большее значение индекса означает, что студент, получающий образование в данном регионе, будет вынужден потратить большую долю среднедушевого дохода семьи на свое обучение (рисунок 4.7).

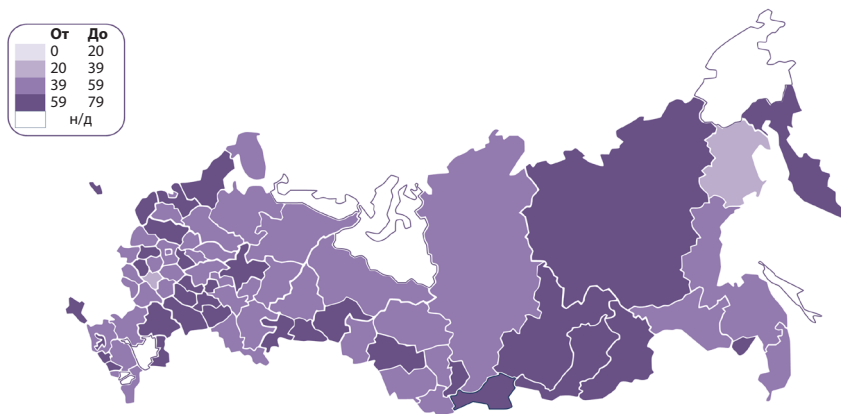

Рис. 4.6. Индекс финансово-ресурсной доступности высшего образования в регионах России (%), 2018 г.

Источник: Росстат, Domofond.ru, Мониторинг качества приема в вузы (2018), Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, ЕИС МОН РФ.

Так, прямые вероятностные расходы составляют больше 70% дохода в Республике Тыва, Карачаево-Черкесской Республике, Чувашской Республике, Камчатском крае, Владимирской и Иркутской областях. Наиболее благоприятные условия в отношении финансово-ресурсного обеспечения получения высшего образования сложились в Магаданской и Липецкой областях — здесь значение индекса составляет не превышает 40%.

Коммерческий сегмент высшего образования в России, на который приходится половина студенческого контингента, является важным фактором расширения доступности высшего образования. Сокращение сегмента одновременно с возрастанием стоимости обучения также можно рассматривать в качестве потенциального фактора риска снижения доступности. Возможность получить высшее образование на коммерческой основе важна, в том числе, для детей со сравнительно более низким уровнем успеваемости. Кроме этого, заочный сегмент образования является преимущественно платным. И низкая успеваемость, и необходимость совмещать обучение и работу являются преимущественными характеристиками детей из семей, находящихся в неблагоприятных социально-экономических условиях. Недорогое заочное образование являлось, кроме всего прочего, экономически оправданной опцией восходящей социальной мобильности для подобных групп населения. В настоящий момент, при отсутствии развитого института образовательного кредитования, сокращение предложения и возрастающая стоимость платного обучения, составляющая более половины среднедушевого дохода, будут негативно сказываться именно на менее доходных группах населения. Это особенно актуально для тех регионов, где высокая относительная стоимость обучения соседствует с низким охватом бюджетными местами в вузах.

5. Институциональные факторы региональной дифференциации доступности высшего образования

Изменение доступности высшего образования определяется совместным действием факторов со стороны спроса на него и трансформацией его предложения. Рассмотрим, как меняется структура сети, институциональный ландшафт системы высшего образования в России, и в какой степени институциональные факторы определяют различия в доступности. Институциональные факторы естественным образом связаны с территориальной доступностью. Доступность высшего образования определяется равномерностью распределения в региональном разрезе разных типов вузов в зависимости от их статуса, масштаба и возможности предоставлять образовательные программы высокого качества.

Процесс институциональной дифференциации высшего образования в России в контексте обсуждения территориальных факторов его доступности лучше всего описывать в терминах дифференциации и консолидации.

В России, как и во многих странах массового охвата, сеть учреждений высшего образования становится все более сложной и дифференцированной. Проблематика дифференциации образовательных условий и результатов, которая традиционно обсуждается с точки зрения доступа к различным уровням образования, в настоящее время переносится на неравномерное распределение студентов в разрезе разных типов университетов: глобальных исследовательских, классических, отраслевых, с моноспециализацией, частных и государственных и т. д.

Для систем с массовым или универсальным охватом высшим образованием характерно усиление вертикальной и горизонтальной дифференциации высших учебных заведений [Cantwell, 2018]. Вертикальная стратификация — степень дифференциации высших учебных заведений по качеству подготовки, селективности приема, ресурсному обеспечению, репутации [Teichler, 2008; Arum и др., 2007; Shavit, 2007]. Горизонтальная дифференциация — степень различий высших учебных заведений по специализации в направлениях подготовки, форматам обучения, функциональному предназначению [Erhardt D., von Kotzebue, 2016; Triventi, 2011].

В большинстве стран массового охвата вертикальная стратификация во многом принимает форму бифуркации, а именно разделения системы на группы высокоселективных, пользующихся наибольшим спросом университетов, и слой вузов массового спроса [Cantwell, 2018]. Формируется прослойка наиболее престижных университетов, находящихся на вершине иерархии, которая в целом по некоторым оценкам составляет 2–5% от общего количества университетов в мире, которых уже насчитывается более 20 000 [Altbach, Reisberg, de Wit, 2017].

Аналогичная тенденция наблюдается в России. В основе бифуркации лежат естественная ограниченность числа выгодных мест в социальной иерархии и их связь с наличием качественного высшего образования. Элитные университеты выполняют роль легитимации занятия наиболее выгодных мест в социальной иерархии, в то время как расширение мест в массовом сегменте отвечает возрастающему спросу на возможности социальной мобильности в целом. Расширение массового сегмента было подстегнуто возрастающим спросом на высшее образование со стороны населения, формирование элитного сегмента было, в том числе, результатом государственной политики целенаправленной поддержки лидеров. В случае России важным измерением структурной трансформации являлся процесс одновременно проводимого государством сокращения предложения на рынке высшего образования и формирования точек регионального или глобального превосходства.

Программы конкурсной государственной поддержки глобальных исследовательских и региональных университетов привели к возрастанию вертикальной стратификации вузовского ландшафта. На другом полюсе выделяется значительная по масштабу прослойка вузов массового спроса, в которой концентрируются, в том числе, заочные программы, наиболее массовые направления подготовки.

Разрыв между ведущими университетами и вузами массового спроса можно увидеть по показателям селективности вузов, публикационной активности, объемам финансирования науки [Smolentseva и др., 2018]. В России в 37 (головных) университетах, которые можно отнести к элитному сегменту ведущих вузов, средний балл ЕГЭ по состоянию на 2018 год выше 80. Многие из этих университетов показывают позитивную динамику продвижения в глобальных рейтингах (QS, THE и др.), что активно поддерживается государством и широко позиционируется внутри страны. Участие в рейтингах служит для студентов дополнительным сигналом о качестве преподавания и усиливает селективность университетов.

В то же время, по данным мониторинга качества приема в вузы, в группе вузов, которую можно условно идентифицировать как массовый сегмент (всего 248 вузов из 397 головных организаций, участвующих в мониторинге), средний балл ЕГЭ ниже 70 баллов (там же).

Описанное расслоение ведущих российских университетов, региональных опорных вузов и вузов сегмента массового спроса имеет свое региональное измерение (см. рис. 5.1).

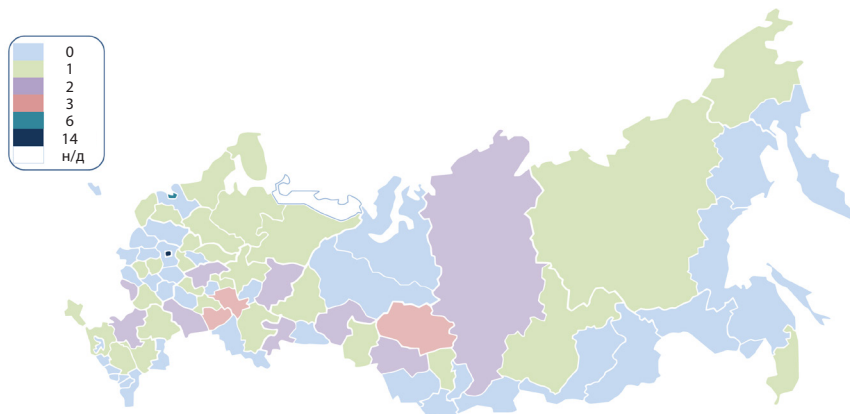

Рис. 5.1. Расположение вузов, имеющих статус ведущих и/или опорных университетов, в регионах России (ед.), 2018 г.

Источник: Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, 2018 г.

С одной стороны, заметна концентрация вузов с особым статусом в двух столицах и наиболее экономически развитых регионах. С другой стороны, хорошо видно, что почти половина регионов, и особенно приграничные территории, не имеют представительства вузов — участников ключевых программ государственной образовательной политики в высшем образовании последнего времени. Вполне объяснима логика встраивания сильных университетов в экономически насыщенные среды в регионах, но при этом, в продолжение высказанных ранее аргументов об утечке человеческого капитала, менее развитые регионы опять оказываются в условиях, которые сокращают их потенциал для изменения ситуации.

На фоне сокращения числа провайдеров высшего образования предложение становится все более территориально концентрированным. Внутрорегиональную концентрацию студенческого контингента можно оценить через индекс Хирфендаля-Хиршмана, показывающий уровень монополизации регионального рынка образовательных услуг (рис. 5.2). Большие значения индекса соответствуют концентрации студентов в меньшем количестве вузов, и наоборот. Например, если в регионе из всего контингента студентов, равного тысяче человек, в десяти вузах будут учиться по сто человек, индекс составит 10%; если в одном вузе сосредоточены все студенты, индекс будет равен 100%.

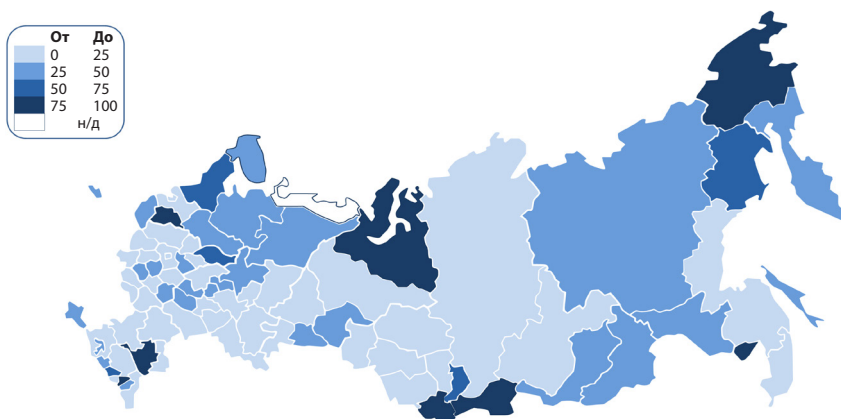

Рис. 5.2. Индекс Хирфендаля-Хиршмана для региональных систем высшего образования (%), 2018 г.

Источник: Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, 2018 г.

Из рисунка 5.2 видно, что в половине регионов предложение высшего образования является высококонцентрированным. С точки зрения эффектов масштаба и критического минимума размера университета, необходимого для предложения качественного образования, эта ситуация не является неблагоприятной. Однако, с точки зрения обеспечения образовательных возможностей для жителей сельских территорий и малообеспеченных семей, стоимость обучения в другом городе или регионе является

принципиальным фактором ограничения образовательной мобильности. При этом степень концентрации для большинства регионов России усилилась за последние пять лет (рис 5.3). Наибольший рост показателя наблюдается в Костромской, Магаданской, Кировской и Новгородской областях, а также в Чукотском и в Ямало-Ненецком автономных округах: здесь концентрация усилилась более чем на четверть. Для сравнения, в среднем по регионам, нарастившим концентрацию, изменение составило 8 п.п.

Снижение концентрации студенческого контингента наблюдается в Сахалинской, Архангельской, Курганской, Ивановской, Томской областях и в Чеченской Республике. Заметим, однако, что снижение индекса составило не более 7 п.п. (рис. 5.3).

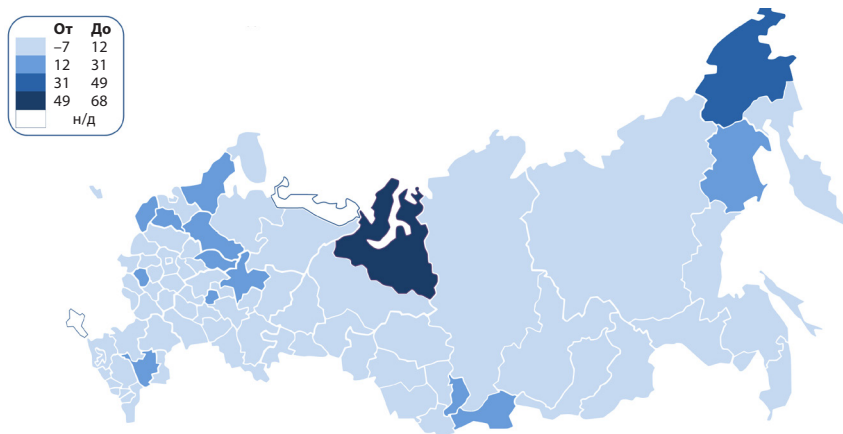

Рис. 5.3. Изменение индекса Хирфендаля-Хиршмана для региональных систем высшего образования (п.п.), 2013–2018 гг.

Источник: Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, 2013–2018 гг.

При том, что в целом по стране охват высшим образованием остается высоким, студенческий контингент начинает все больше концентрироваться в крупнейших университетах. При значительном сокращении числа провайдеров образования средний размер вуза, измеряемый количеством студентов, остается неизменным на протяжении последних пяти лет [Платонова, Фрумин, 2019]. Это означает, что на фоне сокращения сети круп-

ные университеты получают относительное преимущество, становясь еще крупнее. Модель крупного многопрофильного университета поддерживается государственной политикой, в том числе посредством присоединения к классическим университетам менее масштабных, специализированных вузов. Эта логика использовалась при создании федеральных университетов, а также на первых этапах реализации программы опорных университетов. Нарастивание количества очных студентов было в частности одним из ключевых показателей эффективности реализации программы развития для вузов, претендующих на статус опорного университета. В таких условиях менее масштабные провайдеры зачастую вынуждены либо прекращать свое существование, либо сокращать прием. В 2012 году в крупных государственных вузах (с контингентом более 15 тыс. очных студентов) концентрировались 9% очных студентов государственных вузов, а в 2016 — уже 16% [Платонова, Фрумин, 2019].

Происходит концентрация студентов в ведущих университетах, которые через программы государственной поддержки (НИУ, федеральные, 5-100) наделены и специальными общественными задачами (и даже университетскими миссиями), и дополнительным государственным финансированием. При сокращении приема в большинстве вузов 45 ведущих университетов увеличили свою долю в общем контингенте студентов с 13 до 16% за период 2015–2018 гг. (расчеты авторов по данным Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования). Вместе с опорными университетами на эту группу приходится четверть всех студентов в России (там же).

Согласно Мониторингу эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, государственные головные вузы расположены в 140 городах (по данным на 2017 год), государственные вузы и их филиалы — в 332 городах, а вкуче с частными — в 353 городах. При этом 56% всех студентов (приведенный контингент) обучаются в вузах, расположенных в городах-миллионниках.

Государственная политика ставок на крупные университеты приводит к тому, что вероятность стать студентом более «качественного» (высокоселективного) вуза наиболее высока в ограниченном количестве регионов: в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Московском регионе, Томской и Свердловской областях. Далее в условной иерархии образовательных шансов следуют столицы федеральных округов и крупные города, где расположены либо классический университет, либо (реже) вузы, претендую-

щие на формирование модели глобального исследовательского университета. Если посмотреть на индекс концентрации не по всему студенческому контингенту, а только по университетам со средним баллом ЕГЭ более 70, можно увидеть еще большую степень внутрирегиональной концентрации (рис. 5.4); при этом чем выше значение индекса, тем в меньшем числе вузов со средним баллом приема больше 70 сосредоточены студенты. В половине субъектов, напомним, выпускники школ не могут продолжить обучение в высокоселективном университете (со средним баллом приема по ЕГЭ выше 70) в регионе своего проживания. Это означает, что в одних регионах необходимость получения качественного высшего образования неизбежно связана с переездом в другой регион, а в других поляризация массового и элитного сегмента происходит, в том числе, по линии «столица субъекта — областной город/район».

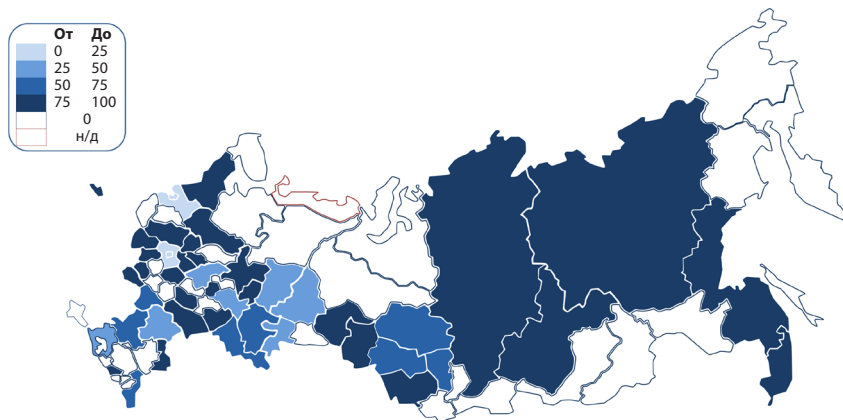

Рис. 5.4. Индекс Хирфендаля-Хиршмана, концентрация качественного высшего образования в регионах России (%), 2018 г.

Источник: Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, 2018 г.

Усиление ведущих университетов приводит к аналогичным ограничениям для продолжения учебы после бакалавриата. Существенная доля магистров (около трети всех студентов) обучаются в группе ведущих университетов. С другой стороны, возможность продолжить обучение в маги-

стратуре в большинстве случаев связана с необходимостью переезжать в другой, более крупный город. Такая ситуация приводит к поляризации, при которой дети обеспеченных родителей, преимущественно проживающих в больших городах, имеют существенно больше возможностей пойти учиться в магистратуру, чем выпускники сельских школ. Кроме этого, наблюдаются макрорегиональные диспропорции: субъекты РФ с высоким показателем доли программ подготовки магистров в основном расположены в европейской части страны.

В целом риски усугубляются и изменениями в сегменте массового спроса. Тектонические сдвиги, связанные с закрытием заочных программ обучения, приводят к риску снижения доступности высшего образования для работающего населения, по определению в большей степени связанного с географическим местом своей работы. Двукратное сокращение филиальной сети и отсутствие сегодня полноценной замены утраченным возможностям переводит семьи, проживающие в малых городах, сельской местности и отдаленных территориях, в актуальную группу риска.

Заключение

Россия входит в число стран, лидирующих по уровню охвата третичным образованием. При этом охват именно высшим образованием соответствует среднему уровню среди развитых стран, несмотря на распространенные мнения о перепроизводстве кадров с дипломом вуза.

Распределение положительных эффектов от экспансии высшего образования не было равномерным. В России, как и во многих странах мира, проявляются негативные эффекты, связанные с воспроизводством социальной стратификации общества в системе высшего образования, сохранением значимости неакадемических факторов выбора образовательных траекторий, доступа к наиболее выгодным направлениям подготовки и университетам.

В России факторы неравенства во многом мультиплицируются межрегиональными различиями. Стабильно высокий уровень охвата высшим образованием при этом все более неравномерно распределяется как по институциям высшего образования, так и по регионам. Различия в доступе проявляются не только в возможности получения образования, но и в том, на какие именно места могут претендовать разные группы населения, какой уровень качества обучения доступен выпускникам школ в регионах страны, как финансовые и территориальные факторы обуславливают высокую доступность высшего образования.

Россия — интересный кейс эволюции доступности высшего образования. С одной стороны, мы наблюдаем поддержание высокого уровня охвата — и это обусловлено законодательно, являясь частью политического консенсуса постсоветской трансформации: хотя за последнее пять лет этот уровень и сократился, но продолжает поддерживаться на уровне, соответствующем конституционной норме. С другой стороны, как количество, так и качество высшего образования распределено неравномерно в разрезе территорий страны. Происходит структурная консолидация, которая актуализирует вопрос дифференциации образовательных результатов. Другими словами, высокая доступность распределена между регионами очень неравномерно, а среди ключевых трендов в данном контексте можно назвать консолидацию предложения высшего образования и межрегиональную дифференциацию доступности.

Ключевыми характеристиками доступности образования являются: наличие мест в высших учебных заведениях региона проживания, возмож-

ность получить высокий уровень качества образования, а также наличие достаточных финансовых ресурсов для обучения. Межрегиональная дифференциация затрагивает все эти характеристики и не снижается со временем. Более того, эффекты пандемии, и в первую очередь, негативные экономические последствия, способны усиливать действие этих факторов доступности в краткосрочной перспективе.

Охват программами высшего образования по субъектам РФ варьируется от 1 до 58%. При этом, как показывают исследования, фактор территориальной близости вуза является важным детерминантом выбора послешкольной образовательной траектории. И чем ниже социальное положение и доход семьи, тем более чувствительным является этот фактор.

Болонский процесс также в разной степени повлиял на предложение образовательных программ в регионах, возможность обучения в магистратуре еще в большей степени дифференцирована. Примечательно, что приграничные регионы страны в наименьшей степени обеспечены местами для обучения в магистратуре — в основном они концентрируются в университетах европейской части России.

В целом в России за последние восемь лет произошло сокращение охвата высшим образованием релевантной возрастной когорты, и это сокращение тоже было неравномерным. Межрегиональные различия в охвате проявляются у нас в сохранении лидирующих позиций ограниченного числа регионов, которые аккумулируют контингент студентов, непропорционально больший — по сравнению с релевантной когортой населения, проживающей в регионе. За последние восемь лет концентрация даже несколько усилилась. Сокращение доступности высшего образования для населения региона в возрасте 17–25 лет произошло в 64 субъектах России, затронув при этом в наибольшей степени приграничные территории — Мурманскую область, Камчатский край, Еврейскую автономную область и др. На другом полюсе регионы с крупными университетскими центрами — Москва, Санкт-Петербург, Томская область, Татарстан — сохраняют и укрепляют свое лидирующее положение в охвате высшим образованием. В наибольшей степени снижение показателей охвата обусловлено динамикой заочного сегмента, продемонстрировавшего наибольшие темпы сокращения: с 44% в 2013 г. до 35% — в 2018-м. В половине регионов страны доля студентов заочных программ в общем студенческом контингенте сократилась на 10–30 процентных пунктов. Проблема территориальной доступности высшего образования также де факто может быть связана с этническими факторами: в восьми из двадцати двух национальных республик

охват высшим образованием составляет меньше 20%, что заметно меньше среднего значения по стране.

Неравномерно распределено и качество высшего образования. Возможность обучения в высокоселективном университете (исходя из предположения, что селективность является относительно достоверным показателем качества обучения) во многом определяется возможностью переезда в другой город. Отличники и победители олимпиад концентрируются в очень ограниченном количестве регионов. Больше 80% всех первокурсников — победителей олимпиад выбирают для поступления Москву и Московскую область, а также Санкт-Петербург.

В среднем по стране примерно четверть студентов имеют средний балл ЕГЭ более 70 баллов. При этом в двух третях регионов данный показатель составляет менее 15%, а десятая часть имеет контингент отличников более 30% (в случае с университетскими центрами — более 50%). Это означает не только поляризацию элитного и массового предложения высшего образования, но и то, что сильным абитуриентам в регионе для попадания в соответствующую их академическому уровню среду обучения необходимо переезжать в другой регион. Сейчас во многих регионах абитуриенты-отличники обучаются в сравнительно менее сильных вузах своего региона, тогда как уровень их подготовки позволил бы им учиться в лучших вузах с большей отдачей от образования.

Во всех регионах растет абсолютная и относительная стоимость обучения при одновременном сокращении коммерческого сегмента. Рост стоимости в разрезе регионов также неравномерен: разброс за последние 8 лет от менее 100 до более 500%. В разрезе среднедушевых доходов населения в регионе разница стоимости обучения в регионах составляет от 14 до 79%. Здесь важно понимать и различия в распределении охвата бюджетным высшим образованием. Для четверти регионов в сравнении с другими ограничена возможность бюджетного образования, а относительная стоимость платного приема выше среднего по России.

Если же учитывать одновременно возможность получения бесплатного и платного высшего образования в регионе, принимая в расчет обеспеченность местами в общежитиях (то есть математическое ожидание стоимости жилья на время обучения) и среднюю стоимость обучения, — то вероятностные затраты на высшее образование могут составлять от 14 до 79% среднемесячного дохода (в зависимости от того, в каком регионе родился абитуриент). Другими словами, это означает, что в одном регионе у вы-

пускника будет большая возможность получить бюджетное место в вузе, а также меньшая вероятность расходувать средства на аренду жилья, в то время как в соседнем регионе для выпускника с такими же академическими результатами предложение бюджетных мест будет ограничено, а стоимость обучения вместе с затратами на проживание будет составлять до двух третей среднедушевого дохода.

Сопоставление факторов финансовой доступности, доступности качественного образования и охвата молодежи в возрасте 17–25 лет позволяет сделать следующие выводы. Наибольший охват молодежи высшим образованием обеспечивается в Москве, Санкт-Петербурге и Томской области. При этом здесь же много отличников, и шансы поступить в престижные вузы гораздо выше, при этом средний по этим регионам индекс финансовых затрат (52%) указывает на то, что вероятность получить высшее образование бесплатно, с меньшими издержками на жилье и сопутствующими тратами на повседневные товары — достаточно высока.

В 31 из 78 регионов, по которым есть возможность сопоставить показатели, средний показатель охвата высшим образованием находится на уровне выше среднего по стране (26 %). Однако высокий охват может сопровождаться как высокой долей отличников в регионе (Республика Татарстан, Свердловская область) в сочетании с невысоким значением индекса финансово-ресурсного обеспечения, так и невысокой долей (менее 30%) отличников в сочетании с высокой вероятностью понести значительные издержки при получении высшего образования (более 60%), как, например, в Астраханской области и в Республике Мордовия. Во втором случае доступность высшего образования, вероятнее всего, будет обеспечиваться широким сектором коммерческих программ невысокого качества.

Ряд регионов можно отнести к группе риска доступности высшего образования: охват не превышает 20%, затраты на высшее образование высоки (индекс финансово-ресурсной доступности превышает 60%), предложение качественного высшего образования отсутствует, доля отличников низка. К этим регионам относятся Камчатский край, Республика Тыва, Республика Хакасия, Тюменская область, Забайкальский край, Еврейская автономная область, а также Кабардино-Балкарская Республика.

Региональная дифференциация усиливается структурной консолидацией сети вузов, а структурная консолидация при сохранении высокого уровня охвата увеличивает риски возникновения социальной напряженности. Сохраняются и могут усиливаться ключевые факторы неравенства,

которые мультиплицируются при текущей политике сокращения количества провайдеров. Сложившейся рынок образовательных программ и его структура обуславливают ситуацию, которая в большей степени дискриминирует детей из необеспеченных семей.

Кампания реструктуризации сети вузов и лишение аккредитации по наиболее массовым направлениям подготовки в наибольшей степени затронули вузовские филиалы (всего сокращение на 1000 организаций за 2015–2018 гг.), при том что многие из них были расположены в малых населенных пунктах. Закрытые программы, филиалы и частные вузы во многом работали на массовый спрос и предлагали программы с невысокой стоимостью обучения. Тренд государственной политики по закрытию заочных программ привел к снижению доступности для работающего населения, по определению в большей степени связанного с местом расположения работы. С учетом переориентации предложения массовых программ в большие государственные университеты, где стоимость платных программ намного выше, вопрос финансовой доступности приобретает особую значимость — еще и потому, что более половины студентов обучаются за счет собственных средств.

Ведущие университеты концентрируют в себе студенческий контингент, магистерские программы и наиболее востребованные направления подготовки, что приводит к доминированию моделей больших классических университетов. Так как подобные университеты, как правило, располагаются в больших городах, в сельских территориях и малых городах снижается доступность.

Наблюдается высокая региональная дифференциация доступности траекторий, повышающих образовательный уровень, так как происходит консолидация постбакалаврского образования. За пять лет с переходом на Болонскую систему доля магистров в общем контингенте студентов в России увеличилась с 3 до 12%. Но основная доля магистров учатся в ограниченном количестве ведущих университетов, что также стимулируется поддержкой со стороны государства. Возможность продолжить обучение в магистратуре в большинстве случаев связана с образовательной мобильностью. В 45 ведущих университетах обучается треть всего контингента магистров. Таким образом, с учетом того, что магистерские программы сконцентрированы в ведущих университетах, а продолжение обучения после бакалавриата в России, как и в большинстве стран мира, обусловлено социальным положением и культурным капиталом родителей, это может означать снижение образовательных возможностей для детей из семей низкодоходных групп населения или проживающих в сельской местности.

Институциональное давление, при котором массовые программы подготовки стоят дорого и требуют переезда, сосредоточение магистерских программ в ограниченном количестве областных центров, сокращение возможности совмещать работу и учебу — все это приведет к поляризации. Ставка на консолидацию сети потенциально способна повысить средний уровень качества обучения, но сконцентрирует его в ограниченном количестве университетов и преимущественно для детей образованных и обеспеченных родителей, тогда как дети из небогатых семей будут вытесняться в СПО.

При сохранении сети колледжей будет происходить дальнейшее перераспределение контингента третичного образования с перетоком из вузов в колледжи (охват ВО в когорте за три года упал с 33,7 до 31%, охват СПО растет). При этом перераспределение будет непропорциональным. Уже сейчас 40% школьников уходят из школы после 9 класса [Хавенсон, Чиркина, 2018]. Две трети из тех, кто заканчивает 11 классов, — это дети из семей, где хотя бы у одного родителя есть высшее образование. Сокращение вузов и филиалов в малых городах сделает колледж доминирующей опцией образовательной траектории для детей из семей с наименьшим уровнем дохода, проживающих в сельских и удаленных территориях.

Здесь же можно говорить про контекст развития системы образования в России, который может усиливать этот риск: сокращение малокомплектных школ, которые также в основном расположены в сельских районах; значительное уменьшение числа учеников, продолжающих обучение после 9 класса; постепенное выдавливание самых низкодоходных учеников теперь и из системы среднего профессионального образования.

Концентрация студенческого контингента в наиболее развитых регионах является важной характеристикой для понимания ограничений для социально-экономического развития в регионах. Так как сосредоточение наиболее подготовленных абитуриентов является дополнительным притягивающим фактором для новых волн приема, соответствует государственной образовательной политике концентрации ресурсов, а также дополняется концентрацией наиболее сильных студентов в ведущих университетах, то в дальнейшем можно ожидать кумулятивного эффекта и усиления концентрации. В перспективе это может привести к перераспределению человеческого потенциала, необходимого для социально-экономического развития, и эффекту Матфея, когда «регионы-магниты» становятся все более сильными, а «регионы-доноры» все более теряют в возможностях.

Литература

- Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83–109.
- Габдрахманов Н. К. и др. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России // Современная аналитика образования. НИУ ВШЭ, 2019. № 5(26).
- Громов А. Д. и др. Доступность высшего образования в регионах России // Москва: НИУ ВШЭ, 2016.
- Козлов Д.В., Платонова Д. П., Лешуков О.В. Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов // Современная аналитика образования. НИУ ВШЭ, 2017. № 4(12).
- Кузьмина Ю. В. Выбор специальности обучения: прямой и непрямой эффект семейных факторов // Высшее образование в России. 2013. № 10. С. 133–140.
- Кузьминов Я., Сорокин П., Фрумин И. Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // Форсайт. 2019. Т. 13. № 52.
- Платонова Д.П., Фрумин И.Д. Высшее образование в России. Университеты на перепутье. Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.
- Прахов И.А., Юдкевич М.М. Влияние дохода домохозяйств на результаты ЕГЭ и выбор вуза // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 126–147.
- Рошин С., Рудаков В. Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников // Вопросы экономики. 2016. Т. 12. №. 8. С. 74–95.
- Рощина Я. Чьи дети учатся в российских элитных вузах? // Вопросы образования. 2006. №1. С. 347–369.
- Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. Образовательные переходы в России: социально-экономическое положение семьи и успеваемость // Факты образования. НИУ ВШЭ, 2018. № 5 (20).
- Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социаль-

- но-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. 2019. С. 1–20. (В печати)
- Agasisti T. et al.* Universities' Efficiency and Regional Economic Short-Run Growth: Empirical Evidence from Russia // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP. 2018. Т. 203.
- Alecke B., Burgard C., Mitze T.* The Effect of Tuition Fees on Student Enrollment and Location Choice—Interregional Migration, Border Effects and Gender Differences // Ruhr Economic Paper. 2013. № 404.
- Ali M. K. et al.* Analysis of enrollment: A spatial-interaction model // Journal of Economic Insight (formerly the Journal of Economics (MVEA). 2003. Т. 29. № 2. С. 67–86.
- Allmendinger J., Leibfried S.* Education and the welfare state: the four worlds of competence production // Journal of European social policy. 2003. Т. 13. № 1. С. 63–81.
- Altbach P. G., Reisberg L., de Wit H.* (ed.). Responding to massification: Differentiation in postsecondary education worldwide. Springer, 2017.
- Ambler J. S., Neathery J.* Education policy and equality: Some evidence from Europe // Social Science Quarterly. 1999. С. 437–456.
- Antikainen A.* In search of the Nordic model in education // Scandinavian journal of educational research. 2006. Т. 50. № 3. С. 229–243.
- Argentin G., Triventi M.* Social inequality in higher education and labour market in a period of institutional reforms: Italy, 1992–2007 // Higher education. 2011. Т. 61. № 3. С. 309–323.
- Becker G.S.* Investment in human capital: A theoretical analysis // Journal of political economy. 1962. Т. 70. № 5. Part 2. С. 9–49.
- Boliver V.* How Fair Is Access to More Prestigious UK Universities? // The British journal of sociology. 2013. Т. 64. № 2. С. 344–364.
- Butlin G.* Determinants of Post-Secondary Participation. Education Quarterly Review. 1999. Т. 5. № 3. С.9–35.
- Cantwell B., Marginson S., Smolentseva A.* (ed.). High Participation Systems of Higher Education. Oxford University Press, 2018.

- Carnoy M.* As Higher Education Expands, Is It Contributing to Greater Inequality? // *National Institute Economic Review*. 2011. T. 215. № 1. С. R34–R47.
- Carnoy M., Loyalka P., Dobryakova M., Dossani R., Kuhns K, & Wang R.* University Expansion in a Changing Global Economy: Triumph of The BRICs? Stanford University Press, 2013.
- Christofides L. N., Cirello J., & Hoy M.* Family Income and Postsecondary Education in Canada // *Canadian Journal of Higher Education*. 2001. № 31(1). P. 177–2087.
- Davies S., Guppy N.* Fields of Study, College Selectivity, and Student Inequalities in Higher Education // *Social forces*. 1997. T. 75. № 4. С. 1417–1438.
- Davis-Kean P.E.* The Influence of Parent Education and Family Income on Child Achievement: The Indirect Role of Parental Expectations and The Home Environment // *Journal of family psychology*. 2005. T. 19. № 2. С. 294.
- Deer C.* Higher Education Access and Expansion: The French Experience // *Higher Education Quarterly*. 2005. T. 59. № 3. С. 230–241.
- Duru-Bellat M., Kieffer A., Reimer D.* Patterns of Social Inequalities in Access to Higher Education in France and Germany // *International journal of comparative sociology*. 2008. T. 49. № 4-5. С. 347–368.
- Erhardt D., von Kotzebue A.* Competition unleashed: horizontal differentiation in German higher education // *Tertiary Education and Management*. 2016. T. 22. №. 4. С. 333–358.
- Földvári P., van Leeuwen B.* Should less inequality in education lead to a more equal income distribution? // *Education Economics*. 2011. T. 19. №. 5. С. 537–554.
- Francesconi M., Slonimczyk F., Yurko A.* Democratizing access to higher education in Russia: The consequences of the unified state exam reform // *European Economic Review*. 2019. T. 117. С.56–82.
- Frenette M.* Too far to go on? Distance to school and university participation // *Education Economics*. 2006. T. 14. № 1. С. 31–58.
- Givord P., Goux D.* France: mass and class—persisting inequalities in postsecondary education in France // *Stratification in Higher Education*. 2007. С. 220–239.

- Hansen M.N.* Social and economic inequality in the educational career: Do the effects of social background characteristics decline? // *European Sociological Review*. 1997. Т. 13. № 3. С. 305–321.
- Harvey L.* New realities: The relationship between higher education and employment // *Tertiary Education & Management*. 2000. Т. 6. № 1. С. 3–17.
- Hearn J.C.* Academic and nonacademic influences on the college destinations of 1980 high school graduates // *Sociology of education*. 1991. С. 158–171.
- Hübner M.* Do tuition fees affect enrollment behavior? Evidence from a 'natural experiment' in Germany // *Economics of Education Review*. 2012. Т. 31. № 6. С. 949–960.
- Jerrim J., Chmielewski A.K., Parker P.* Socioeconomic inequality in access to high-status colleges: A cross-country comparison // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2015. Т. 42. С. 20–32.
- Kane J., Spizman L.M.* Race, financial aid awards and college attendance: Parents and geography matter // *American Journal of Economics and sociology*. 1994. Т. 53. № 1. С. 85–96.
- Kivinen O., Rinne R.* Changing higher-education policy Three Western models // *Prospects*. 1991. Т. 21. № 3. С. 421–429.
- Konstantinovskiy D.L.* Expansion of higher education and consequences for social inequality (the case of Russia) // *Higher education*. 2017. Т. 74. № 2. С. 201–220.
- Kyung W.* In-migration of college students to the state of New York // *The Journal of Higher Education*. 1996. Т. 67. № 3. С. 349–358.
- Leppel K.* Logit estimation of a gravity model of the college enrollment decision // *Research in Higher Education*. 1993. Т. 34. № 3. С. 387–398.
- Mak J., Moncur J.E.* T. Interstate migration of college freshmen // *The Annals of Regional Science*. 2003. Т. 37. № 4. С. 603–612.
- Marginson S.* Dynamics of national and global competition in higher education // *Higher education*. 2006. Т. 52. № 1. С. 1–39.
- Marginson S.* The worldwide trend to high participation higher education: Dynamics of social stratification in inclusive systems // *Higher Education*. 2016. Т. 72. № 4. С. 413–434.

- Meyer J.W., Ramirez F.O., Soysal Y.N.* World expansion of mass education, 1870–1980 // *Sociology of education*. 1992. С. 128–149.
- Mihi-Ramirez A., Kumpikaite V.* Economics reason of migration from point of view of students // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 109. P. 522–526.
- Mincer J.* On-the-job training: Costs, returns, and some implications // *Journal of political Economy*. 1962. Т. 70. № 5. Part 2. С. 50–79.
- Morshidi S., Abdul Razak A.* Policy for higher education in a changing world: Is Malaysia's higher education policy maturing or just fashionable // *Forum on higher education in a globalising world: Developing and sustaining an excellent system*. Kuching: Merdeka Palace Hotel and Suites. 2008. Т. 11.
- Ordovensky J.F.* Effects of institutional attributes on enrollment choice: Implications for postsecondary vocational education // *Economics of Education Review*. 1995. Т. 14. №. 4. С. 335–350.
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). *Education at a glance 2018: OECD indicators*. Paris: OECD, 2018.
- Powers D.E., Rock D.A.* Effects of coaching on SAT I: Reasoning test scores // *Journal of Educational Measurement*. 1999. Т. 36. № 2. С. 93–118.
- Prakhov I.* The barriers of access to selective universities in Russia // *Higher Education Quarterly*. 2016. Т. 70. №. 2. С. 170-199.
- Prakhov I.* The Determinants Of Expected Returns On Higher Education In Russia: A Human Capital Theory Perspective // *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP*. 2019. Т. 50.
- Prakhov I., Bocharova M.* Socio-economic predictors of student mobility in Russia // *Journal of Further and Higher Education*. 2019. Т. 43. № 10. С. 1331–1347.
- Prakhov I., Sergienko D.* Matching between Students and Universities: What are the Sources of Inequalities of Access to Higher Education? // *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP*. 2017. Т. 45.
- Reimer D., Noelke C., Kucel A.* Labor market effects of field of study in comparative perspective: An analysis of 22 European countries // *International Journal of Comparative Sociology*. 2008. Т. 49. № 4-5. С. 233–256.
- Salmi J.* *All around the world — Higher education equity policies across the globe*, 2018.

- Schofer E., Meyer J.W.* The worldwide expansion of higher education in the twentieth century // *American sociological review*. 2005. Т. 70. № 6. С. 898–920.
- Smolentseva A. et al.* 11 Stratification by the State and // *High Participation Systems of Higher Education*. 2018. С. 295–333
- Smolentseva A.* Universal higher education and positional advantage: Soviet legacies and neoliberal transformations in Russia // *Higher Education*. 2017. Vol. 73. No. 2. P. 209–226. DOI: 10.1007/s10734-016-0009-9.
- Spiess C. K., Wrohlich K.* Does distance determine who attends a university in Germany? // *Economics of Education Review*. 2010. Т. 29. № 3. С. 470–479.
- Teichler U.* Diversification? Trends and explanations of the shape and size of higher education // *Higher education*. 2008. Т. 56. № 3. С. 349.
- Thorn K., Holm-Nielsen L.B.* International mobility of researchers and scientists: Policy options for turning a drain into a gain // *The International Mobility of Talent: Types, Causes, and Development Impact*. 2008. P. 145–167.
- Triventi M.* Stratification in Higher Education and its Relationship with Social Inequality: A Comparative Study of 11 European Countries // *European Sociological Review*. 2011. Т. 29. № 3. С. 489–502.
- Trow M.* Problems in the Transition from Elite to Mass Higher Education. *Carnegie Commission on Higher Education Berkeley*. 1973.
- Trow M.* Reflections on the Transition from Mass to Universal Higher Education // *Daedalus*. 1970. С. 1–42.
- Van de Werfhorst H. G., Kraaykamp G.* Four Field-Related Educational Resources and Their Impact on Labor, Consumption, and Sociopolitical Orientation // *Sociology of Education*. 2001. С. 296–317.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОСТУПНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Малиновский Сергей Сергеевич,

кандидат политических наук, заместитель заведующего Проектно-учебной лабораторией «Развитие университетов» Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
E-mail: smalinovskiy@hse.ru

Шибанова Екатерина Юрьевна,

стажер-исследователь Проектно-учебной лаборатории «Развитие университетов» Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
E-mail: eshibanova@hse.ru

Аннотация. Аналитический доклад посвящен проблеме неравенства доступности высшего образования в России в ее межрегиональном измерении. Проанализированы территориально обусловленные факторы распределения количества и качества высшего образования, межрегиональные различия финансовой доступности и роль институциональной дифференциации вузовского ландшафта. Эти факторы рассмотрены через призму их связи с социальными факторами дифференциации образовательных возможностей. Работа будет полезна исследователям и практикам из сферы образования, ключевым стейкхолдерам региональных систем образования и широкому кругу читателей, интересующихся российской спецификой образовательного неравенства.

Ключевые слова: доступность высшего образования, высшее образование в России, региональная дифференциация, финансовая доступность образования, институциональная дифференциация, образовательное неравенство, социальная стратификация.

REGIONAL DIFFERENTIATION OF ACCESS TO HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

Sergey Malinovskiy,

Deputy Head of Laboratory for University Development, Institute of Education,
National Research University Higher School of Economics.

E-mail: smalinovskiy@hse.ru

Ekaterina Shibanova,

Research Assistant, Institute of Education / Laboratory for University Development,
National Research University Higher School of Economics.

E-mail: eshibanova@hse.ru

Abstract. This analytical report addresses the issue of cross-regional differences in access to higher education in Russia. Territorial disparities in access to higher education quantity and quality, cross-regional differences in financial restraints to access and the role of institutional differentiation of higher education landscape, are researched. These aspects are regarded through the prism of socio-economic determinants of educational opportunities.

Keywords: access to higher education, higher education in Russia, regional differentiation, financial accessibility of education, institutional differentiation, educational inequality, educational mobility, social stratification.

Один из сильнейших университетов страны приглашает на бюджетные места

Институт образования НИУ ВШЭ предоставляет уникальную возможность для профессионального развития и карьерного роста. Образовательные программы построены с учетом научных разработок и изменений в законодательстве. Среди преподавателей — ведущие российские и зарубежные ученые, признанные эксперты-практики российского образования.

МАГИСТЕРСКИЕ ПРОГРАММЫ

Для выпускников бакалавриата и специалитета

Период обучения: 2 года

Форма обучения: очная

■ **«Доказательное развитие образования»**

Академический руководитель — Т.Е. Хавенсон

■ **«Измерения в психологии и образовании»**

Научный руководитель — Е.Ю. Карданова

Академический руководитель — И.В. Антипкина

■ **«Педагогическое образование»**

Академический руководитель — М.А. Лытаева

Для работающих учителей и тех, кто ими хочет стать

Период обучения: 2,5 года

Форма обучения: очно-заочная

■ **«Современная историческая наука в преподавании истории в школе»**

Академический руководитель — И.Н. Данилевский

■ **«Современные социальные науки в преподавании обществознания в школе»**

Академический руководитель — И.Б. Орлов

■ **«Современная филология в преподавании литературы в школе»**

Академический руководитель — К.М. Поливанов

Для руководителей вузов и школ

Период обучения: 2,5 года

Форма обучения: очно-заочная

■ **«Управление образованием»**

Научный руководитель — А.Г. Каспржак

Академический руководитель — А.А. Кобцева

■ **«Управление в высшем образовании»** —
Академический руководитель — К.В. Зиньковский

■ **«Цифровая трансформация образования»**
Академический руководитель — Е.Д. Патаракин

Обучение осуществляется как бесплатно на бюджетной основе, так и с оплатой на договорной основе. Работникам государственных и муниципальных бюджетных учреждений социальной сферы предоставляется 50%-ная скидка на обучение.

Департамент образовательных программ Института образования НИУ ВШЭ:

<https://ioe.hse.ru/masters>

Тел.: 8 (495) 772-95-90 (внутренний 22052)

Моб. тел.: 8 (916) 335-15-58

АСПИРАНТСКАЯ ШКОЛА ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Институт образования НИУ ВШЭ приглашает к поступлению в уникальную для России Аспирантскую школу по образованию. Школа объединяет всех, кто хочет заниматься практическими и фундаментальными исследованиями в образовании, не ограничиваясь рамками традиционной педагогики. Поэтому, помимо тех, кто уже получил педагогическое образование, аспирантура ориентирована на выпускников социальных, гуманитарных, экономических и других специальностей.

Преимущества программы:

- ✓ Практика исследований и возможность трудоустройства с первых дней
- ✓ Степень кандидата наук НИУ ВШЭ об образовании / PhD HSE in Education
- ✓ Междисциплинарная подготовка
- ✓ Зарубежные стажировки по теме исследования
- ✓ Участие в совместных проектах с лидерами мировых рейтингов: Бостонским колледжем, Стэнфордским университетом, Гарвардским университетом, Университетским колледжем Лондона и др.
- ✓ Доступ к уникальным данным международных и российских исследований из баз PISA, TIMSS, TALIS, SERU, iPIPS, PIAAC, МЭО
- ✓ Регулярные презентации новых исследований в сфере образования
- ✓ Доступ ко всем образовательным ресурсам Высшей школы экономики

Школа предлагает две формы обучения:

Академическая аспирантура — для тех, кто хочет полностью сфокусироваться на развитии научной карьеры. Это очная аспирантура «полного дня» с обязательным включением в работу профильного для вас центра Института образования и обязательной стажировкой в зарубежном вузе-партнере. Аспиранты получают стипендию и зарплату аналитика или стажера-исследователя в выбранном центре.

Профессиональная аспирантура — для тех, кто уже нашел себя в бизнес- и управленческих структурах сферы образования. Эта очная программа дает возможность совмещать обучение с занятостью вне стен Института.

Как поступить?

По конкурсу портфолио. Набор проходит два раза в год: с декабря по март и с августа по сентябрь. До подачи документов необходимо выбрать будущего научного руководителя и обсудить тему исследования, подготовить и согласовать его план-проект.

Обучение бесплатное — три года. Иногородним предоставляется общежитие.

Аспирантская школа по образованию:

<https://aspirantura.hse.ru/ed>

Тел.: 8 (495) 772-950-90 (внутренний 22714)

Лицензия на осуществление образовательной деятельности № 2593 от 24.05.2017.

Свидетельство о государственной аккредитации № 1820 от 30.03.2016.

На все вопросы о поступлении и обучении ответит академический директор Аспирантской школы Терентьев Евгений Андреевич:

E-mail: eterentev@hse.ru,

моб. тел.: +7(985) 386- 63-49.

Научное издание

Серия
Современная аналитика образования

№ 13 (43)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОСТУПНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Редактор: И. Гумерова
Компьютерная верстка: Н. Пузанова

Подписано в печать 31.08.2020. Формат 60×84 1/16
Усл.-печ. л. 3,95. Уч.-изд. л. 4,18. Тираж 100 экз.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Институт образования
101000, Москва, Потаповский пер., д. 16, стр. 10
Тел./факс: (499) 772-95-90*22235
ioe@hse.ru

